

Думай своей ГОЛОВОЙ

Как сохранить
свободу мысли
в мире чужих
ИСТИН

Итон Блейк

Итон Блейк

**Думай своей головой.
Как сохранить свободу
мысли в мире чужих истин**

«Автор»

2026

Блейк И.

Думай своей головой. Как сохранить свободу мысли в мире чужих истин / И. Блейк — «Автор», 2026

Кто научил тебя думать именно так? И сколько чужих убеждений ты принимаешь за собственные? В этих острых эссе привычные истины проходят проверку неудобными вопросами. Почему авторитет побеждает здравый смысл, доброта превращается в спектакль, а прошлое переписывают под нужды настоящего? Через личные истории и судьбы Галилея, Цвейга и Лао Шэ автор исследует, как образование, язык и идеология формируют наше восприятие. За спорами об истории постепенно проступает личный вопрос: где ты соглашаешься из страха и когда перестаёшь доверять собственному суждению? Книга для читателя, которому тесно в готовых ответах и хочется сохранить смелость думать самостоятельно.

Содержание

Глава 2. Руины памяти: почему мы всегда разрушаем то, что настоящее	12
Глава 3. Клетка языка: когда «ба-ба» перестает быть свободным	16
Глава 5. Шутка истории: Галилей, Лаваз и наши колени	21
Глава 6. Пересекая океан: антивоенное движение, левые салоны и наследие идеализма	23
Том помолчал, а потом сказал: «Ты прав. Но я всё же надеюсь, что они что-то унесут отсюда. Пусть даже одну мысль, один вопрос, одну проблему, из-за которой им не будет спать».	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Итон Блейк

Думай своей головой. Как сохранить свободу мысли в мире чужих истин

Предисловие

Знаете, в молодости одна вещь вызывала у меня особое беспокойство. Тогда я впервые почувствовал, что «что-то не так» — не в том смысле, что меня ударили, я проголодался или замерз, а в том, что в голове как будто что-то застряло: словно ты точно знаешь, что один плюс один равняется двум, но кто-то говорит тебе, что в определённых обстоятельствах один плюс один обязательно равняется трём, и тебе приходится кивать и соглашаться: «Да, именно три». Мне тогда было, наверное, семь или восемь лет. На уроке учитель задал вопрос, я поднял руку и ответил так, как мне казалось само собой разумеющимся. Учитель покачал головой, сказал «неправильно» и дал совершенно другой ответ. Я ошеломлён. Не потому, что я ошибся — позже я проверил, и оказалось, что я был прав, — а из-за того непреклонного тона учителя, который впервые заставил меня осознать: некоторые «правильные» ответы определяются не логикой и фактами, а тем, кто говорит. В тот момент я почувствовал себя как муравей, ползущий по баскетбольному мячу — ты вдруг обнаруживаешь, что мир, который казался ровным, на самом деле искривлен, и ты совершенно не знаешь, в каком направлении ползёшь.

Эта книга началась именно с того «неправильно». Прошло столько лет, и я видел слишком много людей, которых учили быть «правильными», «послушными» и «согласными». Мы живём в эпоху информационного взрыва, когда каждый может легко получить доступ к самым разным точкам зрения, но, как ни странно, мысли становятся всё более посредственными. Не потому, что люди не хотят думать, а потому, что думать слишком утомительно, слишком опасно и слишком легко получить ярлык. Кто-то сказал мне, что эта книга может обидеть многих. Я ответил: обидеть людей — не страшно, страшно то, что у нас больше нет даже мужества их обидеть. Я видел слишком много умных людей, которые ради безопасности заперли свои мысли в тюрьме, выбросили ключ, а потом говорили другим: «Я живу во дворце». Это не дворец, это тюремная камера. Просто некоторые камеры отделаны по красивее.

Структуру этой книги можно рассматривать как путешествие. Но не такое, которое организуют туристические агентства, когда просто фотографируешься на фоне достопримечательностей и уезжаешь, а настоящее путешествие, в которое отправляешься с конкретными вопросами. От первой до тридцать второй главы — каждая глава представляет собой остановку, и каждая остановка соответствует вопросу, с которым я столкнулся лично или над которым глубоко размышлял. Вы увидите, как, отталкиваясь от того чувства «неправильности», которое я испытал в детстве, я шаг за шагом разбираю на части то, что кажется само собой разумеющимся: почему мы постоянно сносим старые кварталы, в которых сохранились настоящие воспоминания, а вместо них возводим кучу поддельных антикварных построек? Почему некоторые слова нельзя произносить, например, «ба-ба»? Почему директор школы-интерната, преподающий «Двадцать четыре примера сыновней почтительности», напротив, подвергается унижению со стороны учеников? Почему Галилео склонил голову в признании вины, а Лавазье оказался на плахе? Почему вечеринки у моих американских друзей-левых одновременно искренни и вызывают ощущение, будто это спектакль? Почему история о глухонемом ученике и учительнице в клипе Сунь Юэ вызывает у меня какое-то неопределимое чувство дискомфорта?

Эти вопросы кажутся самыми разными, но все они указывают на одно: как формируется наше мышление? Кем оно формируется? Есть ли у нас возможность формировать их самостоятельно? В главах с тридцать третьей по тридцать шестую я покажу вам города Европы и Америки, сравню процесс реконструкции старых центров и заставлю вас задуматься о коленях

Галилея и голове Лавасье — эти, казалось бы, далекие исторические события на самом деле ежедневно повторяются в разных формах. Например, вы открываете телефон, видите новость, и, не успев даже об этом подумать, комментарии уже подсказывают вам, как следует к ней относиться. Это не инквизиция времен Галилея, но эффект тот же — просто судьей стал алгоритм, а орудием наказания — кнопки «лайк» и «пожаловаться».

В главах с тридцать седьмой по сорок четвертую я буду обсуждать более серьезные темы: почему Цвейг покончил с собой, приняв яд в Бразилии? Почему Лао Шэ бросился в озеро Тайпин? Как нам справиться с ранами, оставленными Культурной революцией? Об этих темах говорить трудно, но говорить нужно. Потому что забвение — это не исцеление, забвение — это закрытие раны, притворство, будто её не существует. А рана, которую притворяются несуществующей, рано или поздно начнёт гноиться. Я видел слишком много людей, которые избегают разговоров об истории, словно обсуждение её может заразить какой-то болезнью. На самом деле заразительно не история, а незнание истории.

Стиль написания этой книги, возможно, отличается от других книг, которые вы читали. Я не буду использовать академический стиль с перечислением «во-первых, во-вторых, в-третьих», и не буду прибегать к банальным фразам типа «Дорогой читатель, позволь мне раскрыть тебе истину жизни». Я — это я, старик, который любит придирается, любит иронию, а порой бывает и немного резким. Я буду рассказывать на примерах из собственного опыта — например, о том, как в 1992 году, когда мы с Ли Инхуэ проводили совместное исследование по вопросам мужского гомосексуализма, я видел, как эти маргинальные люди встречают мир с юмором и достоинством; или о том, как мой друг, с которым я познакомился в Италии, вздохнув при виде новой городской башни, построенной старым лидером, спросил: «Зачем вы это сделали?»; или, например, как я сидел в гостинице у своих левых друзей в США, слушал их громкие разговоры, а потом, вернувшись домой, думал: сколько из этих слов было сказано для других, а сколько — для них самих?

Я также использую некоторые сравнения, которые вам, возможно, покажутся «несерьёзными». Например, я говорю, что история — это «проститутка, доступная любому» — любой может ею распоряжаться, накрашивать её и заставлять говорить что угодно. Например, я говорю: «Срубить оливковое дерево — значит уничтожить плодородие земли, а создавать идеологию — значит уничтожить плодородие мысли» — если срубить оливковое дерево, земля опустеет; если мысли унифицировать, дух превратится в пустыню. Эти сравнения, возможно, вызовут у вас дискомфорт, но помните: дискомфорт — это начало размышлений. Если вы читаете книгу и вам комфортно от начала до конца, то эта книга — либо колыбельная, либо яд.

Вы, возможно, спросите: «Что я получу, прочитав эту книгу?» Я не могу дать вам точного ответа. Ведь я не продаю чудодейственные таблетки. Могу только сказать: если после прочтения в какой-то момент вы почувствуете, что «что-то не так» — так же, как я в детстве, — значит, эта книга не была написана зря. Если после прочтения вы сможете задать лишний вопрос «почему» по поводу чего-то, к чему привыкли, — значит, эта книга оправдала себя. Если после прочтения вы осознаете, что посредственность мысли и забвение — это не неизбежная судьба, а то, чему можно противостоять, — значит, эта книга выполнила свою миссию.

Наконец, я хочу сказать, что эта книга не предназначена для тех, кто уже «все знает». Сердца таких людей уже затвердели, как цемент, и никакие семена в них не прорастут. Эта книга написана для тех, кто все еще находится в замешательстве, для тех, кто чувствует, что «что-то не так», но не может это четко сформулировать, для тех, кто в эпоху фрагментов изо всех сил пытается найти духовную карту. Вам не нужно соглашаться с каждым моим словом. Более того, если вы согласитесь со всем, я, напротив, забеспокоюсь — ведь это будет означать, что вы, возможно, не задумывались над этим всерьёз. Я только надеюсь, что вы приступите к чтению этой книги со своими вопросами, будете думать во время чтения и задавать вопросы по ходу размышлений. Как сказал Фэнг Лун, самое красивое место в мире — это сельская

местность недалеко от Зальцбурга в Австрии — не потому, что она безупречна, а потому, что у неё есть свой облик. Я надеюсь, что и ваши мысли обретут свой облик.

Готовы? Тогда начнём. Но не надейтесь, что я устрою вам лёгкое путешествие. В конце концов, настоящее размышление никогда не бывает лёгким делом.

Мне в этом году шестьдесят пять лет, я прожил большую часть своей жизни, но часто вспоминаю один момент.

Мне тогда было семь лет, я учился в первом классе начальной школы. На уроке китайского языка учитель учил нас узнавать иероглифы, указал на написанные на доске два иероглифа «солнце» и попросил нас прочитать их. Весь класс хором прочитал: «Солнце». Учитель удовлетворённо кивнул, затем указал на иероглиф «луна» рядом, и мы прочитали: «Луна». Всё шло как обычно.

Потом учительница задала вопрос: «Какой формы солнце?»

Весь класс поднял руки, я тоже. Учительница выбрала девочку, сидящую в первом ряду. Она встала и чистым голосом ответила: «Солнце круглое, как большой диск».

Учитель похвалил её. Затем он вызвал одного мальчика, и тот сказал: «Солнце круглое, как мяч».

Учительница снова похвалила его. Затем учительница вызвала меня.

Я сказал: «Солнце квадратное».

В классе на секунду воцарилась тишина, а потом раздался взрыв смеха. Учитель нахмурился и спросил меня: «Кто тебе сказал, что Солнце квадратное?»

Я ответил: «Мне никто не говорил. Я стоял во дворе нашего дома и смотрел на солнце. Над солнцем нависал угол крыши, он был прямой, и часть солнца, которую он закрывал, тоже была прямой, поэтому я подумал, что солнце, возможно, квадратное».

Учительница замолчала. Наверное, она не ожидала, что семилетний ребенок скажет такое. Подумав, она сказала: «Солнце, конечно, круглое — это научный факт. То, что ты видел, — просто иллюзия, вызванная тем, что карниз заслонил часть лучей».

Я ответил: «Но я не вижу солнце целиком, то, что я вижу, — это квадратное солнце».

Учительница ответила: «Ты видишь не само Солнце, а то, как оно отражается в твоих глазах. На самом деле Солнце круглое».

Я спросил: «Но то, что я вижу, — квадратное. Могу я сказать, что солнце квадратное?»

Учительница, похоже, немного потеряла терпение и сказала: «Ты не можешь так говорить, потому что наука уже доказала, что солнце круглое. Ты должен верить науке, а не своим глазам».

В то время я ещё не понимал, что значит «верить науке», я знал только, что солнце, которое я видел, действительно было квадратным. Но я не стал продолжать спорить, потому что на меня смотрели все одноклассники, и их взгляды заставляли меня чувствовать себя очень некомфортно.

На этом дело и закончилось. Но то ощущение, что «что-то не так», осталось в моём сердце навсегда.

Позже я вырос, поступил в среднюю школу, изучил физику и узнал, что Солнце действительно круглое. Но я до сих пор задаюсь одним вопросом: почему вывод, сделанный семилетним ребёнком на основе собственных наблюдений, был так легко отвергнут? Этот вывод о том, что «Солнце квадратное», с научной точки зрения, конечно, был неверным, но с когнитивной точки зрения — что в нём такого плохого? Это был результат того, как я смотрел на мир своими глазами, плод моего самостоятельного мышления. Учитель заставил меня отказаться от него не потому, что он был неправильным, а потому, что он не совпадал со стандартным ответом.

Так начинается социальная дисциплина.

С самого детства нас учат: доверяй авторитетам, не доверяй собственным ощущениям. Родители говорят: слушайся учителя; учитель говорит: следуй учебнику; учебник говорит: слу-

шайся экспертов. Постепенно у нас выработалась привычка: сталкиваясь с любой проблемой, первым делом мы не начинаем думать самостоятельно, а ищем стандартный ответ. Наш мозг был обучен быть инструментом поиска, а не инструментом мышления.

Такая тренировка оказалась очень эффективной. К старшим классам я уже научился давать на экзаменах стандартные ответы. Учитель спрашивал: «Какой формы Солнце?» Я без колебаний отвечал: «Круглое». Учитель спрашивал: «Почему?» Я отвечал: «Потому что сила всемирного притяжения заставляет материю собираться в сгустки, образуя сферическую форму». Учитель удовлетворенно кивал. Этот ответ был безупречен, в нём не было ни одной лазейки. Но это был не мой ответ, а ответ кого-то другого.

Я по-настоящему начал осознавать эту проблему в университете.

Я изучал историю. В те времена на уроках истории рассказывали о неизбежных законах исторического развития, о том, что герои продвигают историю вперёд, а классовая борьба является движущей силой общественного развития. Эти теории звучали идеально, систематично и логично. Но каждый раз, читая исторические источники, я обнаруживал моменты, не согласующиеся с теорией. Например, на происхождение того или иного исторического события явно влияли многие случайные факторы, но в учебниках его представляли как нечто неизбежное; у того или иного исторического персонажа явно было множество сложных мотивов, но в учебниках его упрощенно представляли как представителя одного класса.

Я обратился к учителю с этими вопросами. Учитель бросил на меня взгляд и сказал: «Ты читаешь исторические источники односторонне, нужно смотреть на вещи с диалектической точки зрения». Я спросил: «Что такое диалектическая точка зрения?» Учитель ответил: «Это значит видеть сущность вещей и не давать себя обмануть внешними проявлениями». Я спросил: «А что такое сущность?» Учитель ответил: «Сущность — это законы исторического развития». Я спросил: «А что такое законы?» Учитель ответил: «Законы — это то, как история обязательно должна развиваться».

Это было похоже на хождение по кругу. Чем больше я спрашивал, тем больше запутывался, а учитель, чем больше объяснял, тем больше терял терпение. Наконец он сказал: «Сначала выучи наизусть содержание учебника, а об этом поговорим на экзамене».

Это был самый удручающий период за все четыре года моего обучения в университете. Я обнаружил, что изучаю не историю, а некий нарратив об истории. У этого нарратива была своя логика, своя структура и свои выводы. Любой факт, не вписывающийся в этот нарратив, считался неважным, односторонним или даже ложным. Я словно оказался запертым в идеологической тюрьме, на стенах которой крупными буквами было написано слово «истина», но я знал, что это не истина, а просто стена.

После окончания университета я устроился на работу в научно-исследовательский институт. В институте работал один пожилой научный сотрудник по фамилии Лю, ему было за пятьдесят, он носил очки с сильной диоптрией и говорил очень медленно. Это был самый странный человек, которого я когда-либо встречал. Он никогда не участвовал в коллективных обсуждениях в институте и не писал статей, соответствующих стандартному формату научных работ. Каждый день он читал книги — старые книги, которые никто больше не читал, и запрещённые книги, которые нельзя было купить в продаже. Иногда он что-то писал, но, закончив, запирал это в ящик стола и никому не показывал.

Однажды я спросил его: «Учитель Лю, почему вы не публикуете статьи? Вы же занимаетесь исследованиями столько лет, наверняка у вас есть какие-то результаты?»

Он улыбнулся и ответил: «То, что я пишу, никто не поймёт».

Я ответил: «Как это? Вы же эксперт, ваши работы наверняка кто-то читает».

Он ответил: «Я не это имел в виду. Я хочу сказать, что то, что я пишу, не соответствует современным академическим нормам. Современные академические нормы требуют, чтобы в работе были выводы, точка зрения и позиция. Но в моих работах нет выводов, нет точки зре-

ния, нет позиции. Я просто описываю факты — те, которые я обнаружил, на которые другие не обратили внимания и которые, возможно, не совпадают с господствующими взглядами».

Я ответил: «Разве это не хорошо? Разве научное исследование не заключается в поиске фактов?»

Он ответил: «Ты слишком наивен. Научное исследование стремится не к фактам, а к истине. Факты и истина — это не одно и то же. Факты объективно существуют, а истина — это человеческая конструкция. Процесс научного исследования заключается в том, чтобы объяснять объективно существующие факты с помощью созданной людьми истины. Если факты и истина не совпадают, то нужно изменять факты, а не истину».

Его слова напомнили мне о том, как в семь лет учитель велел мне верить науке, а не своим глазам. Оказалось, что за все эти годы логика осталась прежней. «Наука», в которую нас учат верить, на самом деле представляет собой сконструированную систему, имеющую свои собственные правила, свой авторитет и свою истину. Любой факт, не вписывающийся в эту систему, будет объяснен как «иллюзия» или просто проигнорирован.

Позже учитель Лю по состоянию здоровья ушел на досрочную пенсию. В день его ухода я пошел помочь ему собрать вещи. В его ящике аккуратно лежали стопки рукописей — все написанные перьевой ручкой в маленьких записных книжках. Я наугад открыл одну из них: там были плотно записаны даты, места и участники исторических событий, а также его примечания. Эти примечания были очень краткими: «Эта версия вызывает сомнения», «Источник исторических данных неизвестен», «Не соответствует официальным записям». Никаких длинных рассуждений, никаких грандиозных повествований — только эти отрывочные, на первый взгляд незначительные заметки.

Я спросил его: «Что ты собираешься делать с этими рукописями?»

Он ответил: «Сжечь».

Я спросил: «Почему? Ведь это плод твоего труда».

Он ответил: «Если оставить их в этом мире, это только доставит неприятности будущим поколениям. Сейчас я — старик на пенсии, и никто не станет меня проверять. Но если эти записи попадут в руки недоброжелателей, это может вызвать неприятности. Я не хочу, чтобы кто-то пострадал из-за моих записей».

Я замолчал. В тот момент я вдруг понял, что такое «цена мысли». В этом мире есть мысли, которые можно свободно выражать, а есть такие, которые нельзя. И критерием оценки служит не то, верна ли эта мысль, а то, соответствует ли она определенным рамкам. То, что соответствует, считается правильным и может широко пропагандироваться; то, что не соответствует, считается ошибочным и должно быть уничтожено в зародыше.

После ухода профессора Лю я взял на себя его исследовательскую работу. Я продолжил его незавершенные проекты, продолжая раскрывать те факты, которые были проигнорированы, замалчивались или забыты. Я не пишу статей, соответствующих установленным нормам, потому что знаю: эти нормы сами по себе являются формой контроля над мышлением. Я пишу то, что хочу, и говорю то, что хочу, независимо от того, вписывается ли это в чьи-то рамки.

Конечно, цена за это высока. Мои статьи не публикуются, мои исследования не получают признания, я не могу повысить свою научную степень. Коллеги считают меня странным человеком: у меня явно есть способности, но я не занимаюсь «серьезными» исследованиями, а упорно углубляюсь в эти «нетрадиционные» области. Руководство тоже беседовало со мной, намекая, что если я буду продолжать в том же духе, это может повлиять на мою карьеру.

Я тоже колебался. В конце концов, кто не хочет жить спокойной жизнью? Кто не хочет, чтобы его признавали, уважали и вознаграждали? Но каждый раз, когда я вспоминаю профессора Лю, его сожженные рукописи и его слова, я понимаю, что не могу сдаться. Не потому,

что я какой-то выдающийся человек, а потому, что если даже такой человек, как я, не будет этим заниматься, то кто же тогда?

Мне в этом году исполнилось шестьдесят пять лет, и я скоро выйду на пенсию. Оглядываясь на прожитую жизнь, я понимаю, что моим самым большим достижением стали не научные открытия и не опубликованные статьи, а то, что я до сих пор сохранил в себе это чувство «не так». С тех пор, как в семь лет я увидел квадратное солнце, я понял, что этот мир не такой, каким его мне представляли. У этого мира есть другая сторона, есть тени, есть трещины. А я — тот, кто любит стоять в этих трещинах и смотреть наружу.

Обсуждать всё это с молодыми людьми, пожалуй, всё же имеет смысл. Потому что я знаю: современная молодёжь сталкивается с ситуацией, гораздо более сложной, чем наше поколение. Они окружены разнообразной информацией, заглушены множеством голосов, определены всевозможными стандартами. Им говорят, какими людьми нужно быть, какую жизнь вести, каких целей достигать. Их толкают вперёд, увлекают за собой, увлекают в водоворот. Редкому из них говорят: «Ты можешь остановиться, ты можешь сомневаться, ты можешь не слушать».

У меня есть старый друг по имени Старый Чжан, он на несколько лет старше меня, пенсионер-рабочий. У него низкий уровень образования — он закончил только начальную школу, — но я считаю его одним из самых мыслящих людей, которых я знаю. Он никогда не читает книг, не читает газет, не смотрит телевизор и не слушает радио. Его повседневная жизнь сводится к выгуливанию птиц, игре в шахматы и чаепитию. Я спросил его: «Тебе не интересно, что происходит в мире?» Он ответил: «А что с того, что знаю, и что с того, что не знаю? В конце концов, эти дела ко мне не имеют никакого отношения. Я живу своей жизнью, а они — своей. Я не могу управлять ими, а они не могут управлять мной».

Я сказал: «Разве это не слишком пассивный подход?»

Он ответил: «Это не пассивность, а трезвость. Когда я был молод, я тоже верил во всё и следовал за всем. Потом я понял, что всё это — выдумки, придуманные другими, чтобы обмануть людей. Какие-то идеалы, какие-то учения, какое-то будущее — всё это используется, чтобы обманом заставить тебя работать на них. Я перестал верить, и теперь просто живу своей жизнью: ем, когда хочу, сплю, когда хочу, выгуливаю птиц, когда хочу. Разве такая жизнь не прекрасна?»

Слова старого Чжана заставили меня долго размышлять. Его выбор — это полный отказ. Он отказался от участия в общественной жизни, отказался от размышлений о глобальных проблемах, отказался от каких-либо ожиданий в отношении мира. Он заперся в своей маленькой скорлупе и заботится только о своих физических потребностях. Конечно, так можно избежать многих страданий, но в то же время теряется человеческое достоинство.

Мне кажется, что прожить всю жизнь так — это слишком мало. Можно не участвовать в тех грандиозных нарративах, но нельзя не думать. Можно не верить в так называемые истины, но нельзя отказываться от права на сомнение. Можно выбрать молчание, но нельзя позволять себе огрубеть.

Это ощущение «что-то не так» — и есть отправная точка мысли. Когда ты чувствуешь, что что-то не так, не спеши отрицать себя, не спеши искать стандартный ответ. Остановись, подумай: почему тебе кажется, что это не так? Что именно заставляет тебя так думать? Возможно, ты обнаружил не ошибку, а трещину. И эта трещина может оказаться входом к свободе.

Я часто вспоминаю себя семилетним, стоящим во дворе с поднятой головой и смотрящим на квадратное солнце. Этот образ навсегда запечатлелся в моей памяти. Это не фотография, а состояние. Состояние, когда человек смотрит на мир своими не прирученными глазами. Этот мир — не такой, каким его описывают другие, а такой, каким он его видит сам. Возможно, это видение ошибочно, но оно реально.

А реальность важнее правильности.

Это — самое важное открытие в моей жизни. Правильность — это то, что дают тебе другие, а реальность — то, что ты находишь сам. Ты можешь всю жизнь быть «правильным», но если ты никогда не был «реальным», то твоя жизнь — это спектакль, поставленный кем-то другим. Ты играешь отлично, в полном соответствии со сценарием, но это не ты.

Поэтому сохрани это ощущение «неправильности». Оно — отправная точка свободы твоего мышления, признак твоего самостоятельного мышления, источник твоего человеческого достоинства. Не позволяй ему стереться, не позволяй ему подавляться, не позволяй ему ассимилироваться. Это самое ценное, что есть в тебе.

Обсуждать всё это с молодыми друзьями, пожалуй, ещё имеет смысл.

Глава 2. Руины памяти: почему мы всегда разрушаем то, что настоящее

Я побывал во многих городах Китая, а также в некоторых зарубежных городах. Американские города не представляют собой ничего особенного, а европейские — весьма привлекательны. Но больше всего мне по душе те маленькие городки и деревушки, по которым я ходил в молодости. В тех местах когда-то была настоящая история, настоящие воспоминания, настоящая архитектура. Но потом большую их часть снесли.

Прошлым осенью я специально сделал крюк, чтобы съездить в один маленький городок на юге. Тридцать лет назад я проводил там полевые исследования и прожил там три месяца. В то время в этом городке ещё сохранилась целая старинная улица эпохи Мин и Цин: мостовая из синего камня была отполирована до блеска, деревянные дома по обеим сторонам улицы украшали изящные резьбы, а на углах карнизов висели ветряные колокольчики. Каждое утро я проходил по этой улице в архив. На углу стояла старинная лавка, где продавали соевое пудинго, а хозяином был пожилой мужчина за шестьдесят, морщины на лице которого были глубже, чем узоры на синей каменной брусчатке. Он, набирая мне соевое пудинго, рассказывал мне о местной истории: говорил, что у каждого камня на этой улице есть своя история, рассказывал, в каком доме жили предки, сдавшие импиренский экзамен, и какой мост построили мастера эпохи Мин.

Но когда я вернулся туда в прошлом году, этой улицы уже не было. На её месте простиралась широкая асфальтированная дорога, по обеим сторонам которой выстроились одинаковые здания в стиле старины — с белыми стенами и чёрной черепицей, настолько новые, что аж в глаза резали. На окнах этих зданий были установлены алюминиевые рамы, а над дверями висели электронные табло с надписями вроде «Фирменные закуски старинного городка» и «Столетний магазин». Я стоял на перекрестке, ошеломлённый, и мне казалось, будто я попал в гигантскую кинодекорацию.

Я прогулялся по улице и обнаружил, что все эти так называемые «старинные лавки» на самом деле открылись совсем недавно. Лавка, где продавали соевое пудинго, осталась на месте, но хозяином уже был не тот старик, а молодой человек в футболке с надписью «Культура старинного городка». Вкус пудинга тоже был не тот — слишком сладкий и приторный, словно туда добавили какие-то добавки. Я спросил молодого человека, знает ли он, как выглядела старая улица раньше. Он озадаченно посмотрел на меня и ответил: «Здесь всегда так было, я здесь вырос с детства».

Мне вдруг стало холодно за спиной. Человек, выросший здесь с детства, на удивление не знает, как выглядела настоящая старая улица. В его памяти остались только эти новые здания, имитирующие старинные. Он думает, что история именно такая, что эти электронные экраны и алюминиевые окна — это и есть традиция. Это не воспоминания, это поддельные воспоминания. Это как если бы человек заменил все свои детские фотографии на фотографии другого ребенка, а потом постепенно поверил, что этот ребенок — он сам.

Это явление я называю «руинами памяти». Мы сносим настоящие вещи, а затем на их руинах возводим подделки. Чем больше подделок появляется, тем бледнее становятся воспоминания о настоящем. В конце концов исчезает даже само понятие «подделка» — потому что никто уже не помнит, что такое «настоящее».

Я знаком с одним архитектором по фамилии Цао, он на несколько лет старше меня и специализируется на сохранении старинных зданий. Однажды он сказал мне фразу, которую я запомнил до сих пор: «Снести настоящее старинное здание — все равно что сжечь настоящую историческую книгу». Он говорил, что старинные здания — это не просто дома, они

являются носителями истории. Узор дерева, следы на камне, расположение черепицы — все это хранит информацию о прошлом. Уровень мастерства, эстетические вкусы и социальная структура целой династии — всё это можно увидеть в архитектуре. Но когда вы сноситесь эти здания и возводите новые, имитирующие старинные, вся эта информация исчезает. Имитация старинной архитектуры может копировать только внешний вид, но не способна воспроизвести внутреннюю логику. Это как если бы современный человек надел старинный костюм: каким бы похожим он ни был, его походка, интонация речи и взгляд на мир останутся современными.

Архитектор Цао когда-то участвовал в проекте по сохранению родового храма эпохи Мин в одном из южных регионов. Этот храм сохранился в очень хорошем состоянии: на балках ещё слабо проступали цветные росписи, а резьба на основаниях колонн была настолько точной, что напоминала вышивку. Местные власти изначально намеревались снести его, чтобы построить на этом месте торговый центр. Архитектор Цао и несколько его коллег совместно обратились с петицией, призывая сохранить здание. В итоге родовой храм удалось спасти, но все старые дома вокруг были снесены, и на их месте появилась целая улица с магазинами в стиле «под старину». Этот родовой храм одиноко возвышается посреди всего этого, словно брошенный старик, окруженный нарядно украшенными подделками под старину. Архитектор Цао однажды побывал там и, вернувшись, всю ночь в одиночестве пил, утопая в грусти. Он сказал: «Этот родовой храм теперь уже не родовой храм, а туристическая достопримечательность. Он утратил смысл своего существования».

Что такое смысл существования? Смысл здания заключается не только в его физическом существовании, но и в его взаимосвязи с окружающей средой. Это похоже на человеческую память: она представляет собой не изолированные фрагменты, а целостную сеть. Если разрушить эту сеть, оставив лишь одинокое здание, то оно перестанет быть тем, чем было изначально. Оно превратится в экспонат, в объект для фотографирования.

Это напомнило мне о более крайнем примере, который я видел несколько лет назад в одном из небольших городков на северо-западе. В том городке когда-то была старинная земляная крепостная стена, которая, как говорят, являлась остатком пограничного укрепления эпохи династии Мин. Крепостная стена была в ужасном состоянии, поросшая сорняками, а в некоторых местах даже обрушилась, образовав проломы. Местные власти решили «отреставрировать» её, пригласили строительную бригаду, которая заново выложила стену из цемента и кирпича, а сверху нанесла слой жёлтой краски, чтобы она выглядела «ещё древнее». В результате отреставрированная стена стала похожа на огромный торт — гладкая, ровная и совершенно безжизненная. Стоя у подножия крепостной стены, я вдруг вспомнил игру из детства под названием «Найди отличия» — две картинки, которые на первый взгляд очень похожи, но на самом деле имеют небольшие различия. Однако эта крепостная стена не просто «отличается», а «совершенно не похожа». Это всего лишь современное здание, замаскированное под крепостную стену.

Я не удержался и спросил у одного местного старика, как выглядела крепостная стена в его детстве. Он немного подумал и сказал: «В детстве рядом с крепостной стеной был пруд, мы ловили в нём рыбу. На крепостной стене росло дерево с кривым стволом, мы забирались на него и доставали птичьи гнезда. Сейчас пруд засыпан, дерева нет, и крепостная стена тоже изменилась». Когда он говорил эти слова, его взгляд был совершенно спокоен, словно он рассказывал о чем-то, не имеющем к нему никакого отношения. Но я знал: он не то чтобы не грустил, просто его горе было настолько велико, что он уже онемел.

Такое оцепенение — это гораздо страшнее. Когда человек становится безразличным к исчезновению воспоминаний, он действительно теряет память. Это как если бы человек лишился чувства боли и не чувствовал боли, но рана осталась и продолжает гнить. Просто он сам об этом не знает.

Я вспомнил слова одного итальянского друга. Этот друг — писатель, специализирующийся на культурном наследии. Однажды он заговорил со мной о сохранении древних городов Китая, и в его голосе слышалось сожаление. Он сказал: «Вы снесите не просто дома, а свои собственные корни. Народ без корней — как дерево без корней: его свалит любой порыв ветра». Мне было очень неприятно это слышать, но я знал, что он говорит правду.

Позже этот итальянский друг рассказал мне одну историю. Он сказал, что в его родном городке стоит церковь, построенная в XIV веке. Во время Второй мировой войны церковь была наполовину разрушена бомбардировками, от неё остались лишь развалины. После войны жители городка решили восстановить церковь. Но они не восстановили её в прежнем виде, а сохранили эти развалины и построили новую церковь рядом с ними. Новая и старая части стоят рядом, словно ведя диалог через время и пространство. Новая церковь лаконична и светла, а старые руины покрыты следами времени и выглядят изношенными — между ними создаётся яркий контраст. Каждое лето в городке перед руинами устраивают концерты: люди сидят среди обломков, слушают музыку и ощущают дух истории.

Я спросил его: «Почему бы не восстановить руины полностью или не снести их до основания и построить новую церковь?»

Он ответил: «Потому что руины — это тоже часть истории. Они хранят память о войне, о страданиях, о выборе людей. Если полностью восстановить их, то эти свидетельства будут стерты. Если полностью снести, то об этом забудут. Сохранить руины — значит сохранить память. Даже если они обветшалые, они остаются подлинными».

Эта история заставила меня долго размышлять. Мы всегда стремимся сделать всё аккуратным и красивым, но забываем, что сама по себе история не является аккуратной и красивой. В истории есть шрамы, трещины, недостатки. Именно эти шрамы, трещины и недостатки делают историю подлинной. Это как морщины на лице человека — следы прожитых лет. Если сгладить все морщины, лицо станет гладким, но этот человек уже не будет тем самым человеком.

В молодости я однажды видел в архиве серию фотографий периода Китайской Республики — все они изображали уличные виды небольших городков. На снимках улицы были узкими и переполненными, дома — обветшалыми, но каждая фотография была полна жизненной силы. Кто-то расставлял прилавки у обочины, дети гонялись по переулкам, пожилые люди грелись на солнце у входа в дома. Некоторые здания с тех фотографий уже снесены, другие сохранились, но преобразились до неузнаваемости. Глядя на эти фотографии, я вдруг понял, что мы потеряли не только здания, но и целый образ жизни, систему межличностных отношений, форму сообщества. Те старые улицы — это не просто дома, они были частью жизни людей. Они несли в себе воспоминания, эмоции и связи между людьми.

Сейчас мы сносим старые улицы и строим на их месте одинаковые «реконструированные» улицы. Они красивы и чисты, но в них нет души. Прогуливаясь по ним, вы видите только туристов, магазины и однотипные товары. Вы не остановитесь там, чтобы поболтать с кем-нибудь, и не почувствуете духа жизни. Это просто достопримечательность, а не место, где живут люди.

Это напомнило мне одно выражение: «подделка воспоминаний». Мы подделываем воспоминания, а потом постепенно начинаем верить в эту подделку. Это как человек, который сделал пластическую операцию, а потом, глядя на себя в зеркало, считает, что это и есть его прежнее «я». Но он знает, что это не так. Он знает, что ложился под нож, знает, что его нос, глаза и подбородок изменились. Но он всё равно убеждает себя, что это он. Потому что признать, что это не он, слишком больно.

Однажды я видел на одном форуме сообщение, написанное молодым человеком. Он рассказывал, что в детстве жил на старой улице, но потом её снесли, и они переехали в новый многоэтажный дом. Новый дом был отличный: с лифтом, отоплением и панорамными окнами.

Но ему всегда казалось, что чего-то не хватает. Он писал: «Когда я был маленьким, летними вечерами все выносили табуретки на уличный угол, чтобы подышать свежим воздухом. Взрослые болтали, дети играли, и мы возвращались домой только очень поздно. Сейчас мы живём в многоэтажном доме, все квартиры закрыты, и никто никого не знает. Иногда я думаю: как было бы хорошо, если бы та старая улица осталась».

Большинство комментариев под этим постом выражают такое же чувство. Кто-то писал, что старая улица его детства тоже была снесена, и теперь от неё остались только воспоминания. Кто-то рассказывал, что, вернувшись на родину, обнаружил, что школа, кинотеатр и парк его детства изменились до неузнаваемости, и ему показалось, будто он оказался в чужом месте. А кто-то упоминал, что пытался найти с помощью функции «Улицы» в Google Maps дом, в котором жил в детстве, но обнаружил, что этот район был полностью перестроен, и ничего не удалось найти.

Эти комментарии заставили меня понять, что утрата воспоминаний — это не проблема одного человека или одной семьи, а проблема целого поколения. Наше поколение пережило самый бурный процесс урбанизации в истории Китая. За несколько десятилетий мы снесли бесчисленное количество старых построек и возвели бесчисленное количество новых. Мы многое приобрели, но и многое потеряли. Приобрели — современный образ жизни; потеряли — исторические корни. Это как дерево: каким бы высоким оно ни было, без корней оно не выдержит ни ветра, ни дождя.

Я часто задумываюсь: если однажды кто-то спросит меня: «Какие у тебя воспоминания о детстве?», что я отвечу? Я расскажу ему о дворе, в котором жил в детстве, о той акации во дворе, о кошке под акацией, о каменной плите рядом с кошкой и о царапинах на этой плите. Но большей части всего этого уже не существует. Мои воспоминания превратились в руины, от которых остались лишь отдельные обрывки. И эти обрывки тоже постепенно стираются из памяти.

Ещё страшнее то, что у нашего следующего поколения нет даже этих обрывков. Они родились в совершенно новых городах, живут в совершенно новых домах, ходят по совершенно новым улицам. Они думают, что мир и должен быть именно таким. Они не знают, что когда-то была старая улица с лавками, где продавали соевое пудинго, с мостовой из зелёного камня, с ветряными колокольчиками и историями. Они не знают, что именно всё это и было настоящей жизнью.

Я пишу это не из ностальгии и не для того, чтобы жаловаться, а для того, чтобы напомнить. Напомнить нам самим и напомнить молодым: воспоминаниям нужен носитель. Если уничтожить этот носитель, воспоминания исчезнут. Исчезнувшие воспоминания — как оборванный воздушный змей: их уже не вернуть.

Поэтому, когда вы стоите перед новым зданием, стилизованным под старину, не дайте себя обмануть его внешнему виду. Это всего лишь подделка, фальшивое воспоминание. Настоящие воспоминания спрятаны в тех руинах, которые были снесены. Если вы их ещё помните, запомните их. Если не помните, отправляйтесь на их поиски. Ведь человек без воспоминаний — это заблудший человек. Народ без воспоминаний — это заблудший народ.

Обсуждать всё это с молодыми людьми, пожалуй, ещё имеет некоторый смысл.

Глава 3. Клетка языка: когда «ба-ба» перестает быть свободным

Каждый раз, когда я разговариваю с людьми, неизбежно сталкиваюсь с некоторыми словами, словно с подводными скалами — ты ясно знаешь, что они там есть, но упоминать о них нельзя, иначе лодка перевернется. Несколько лет назад я был на конференции в одном южном городе. Вечером, выпивая с несколькими молодыми друзьями, мы вспоминали забавные истории из своего детства. Один парень рассказал, как его бабушка учила его читать, указав на иероглиф «#» и сказав: «Этот иероглиф читается как „ба“, он означает „ручка“». Позже, когда он писал сочинение в школе, он употребил слово «ба-ба», в результате чего учитель вызвал его в кабинет и отчитал, сказав, что это ругательство и его нельзя писать. Ему тогда было всего десять лет, и он совершенно не понимал, почему «ба-ба» стало ругательством — когда бабушка учила его, это слово обозначало детскую игрушку — маленькую лопатку, и было обычным существительным в диалекте.

Услышав это, я не смог сдержать смеха. Не потому, что это было смешно, а потому, что я вспомнил свой собственный опыт молодости. В начале восьмидесятых я преподавал в одном университете на севере страны. Один из моих студентов в своей курсовой работе использовал слово «товарищ», которое по своему первоначальному значению означало «человек, разделяющий твои взгляды». Но в то время это слово уже приобрело иное значение, по крайней мере в определенных кругах, и перестало быть просто обращением. Мой студент был родом из деревни и совершенно не знал об этом, в результате чего его курсовую работу вернули с замечанием, что он неправильно использовал термин, который имел «нежелательный подтекст». Он прибежал ко мне с вопросом, и я ответил: «Ты не виноват, виновато слово — нет, вернее, это слово было осквернено».

Язык — это, по сути, самая свободная вещь. Древние люди создавали иероглифы, чтобы выражать смысл, а не для того, чтобы сковывать мысли. Но в истории снова и снова происходило следующее: некоторым словам придавали особый политический или моральный смысл, и эти значения, словно лианы, обвивались вокруг них, плотно обволакивая первоначальное значение, так что в конце концов можно было использовать только те значения, которые были предписаны, иначе это считалось «ошибкой». Это не трагедия языка, это трагедия человека.

Мне вспоминается одна история. Давным-давно жители одного места обнаружили, что если удалить некоторые слова из словаря, люди перестанут говорить о том, что эти слова обозначают. Итак, они начали удалять слова. Сначала удалили те, что звучали «непристойно», затем — те, что звучали «контрреволюционно», и в конце концов были удалены даже такие слова, как «свобода», «равенство» и «демократия», потому что, как утверждалось, они «неприменимы». И что же в результате? Люди действительно перестали говорить об этих вещах — не потому, что не хотели, а потому, что не было слов, чтобы об этом говорить. Нет слов — нет мысли. Вот в чем заключается клетка языка.

Но невозможно запереть всех. Всегда найдутся те, кто будет придумывать новые слова, переосмысливать старые и извлекать новые значения из старого словарного запаса. Помню, в начале девяностых один мой друг вернулся из-за границы и привез с собой тоненькую брошюру, полную странных слов. Я спросил его, что это такое, и он ответил, что это «антисловарь», в который специально включены слова, исключенные из официальных словарей. Я пролистал несколько страниц и обнаружил, что некоторые слова я слышал, а некоторые видел впервые. Больше всего меня удивило то, что эти исключённые слова зачастую исключались не из-за непристойности, а из-за того, что были слишком «опасными» — они указывали на некую реальность, о которой не полагалось говорить.

Это напомнило мне рассказ Чосера. В своем сборнике «Терберийские рассказы» Чосер заставляет группу паломников по очереди рассказывать истории: среди них есть и изысканные, и вульгарные, и благочестивые, и смешные. В этих рассказах используется смелая лексика, охватывающая всевозможные темы. Джойсер мог писать так потому, что английский язык его эпохи ещё формировался и не был столь строго регламентирован. Позже язык стал более нормированным, и некоторые слова превратились в «нецензурную лексику», которую нельзя было больше свободно использовать. Но рассказы Джойсера дошли до наших дней именно потому, что их язык свободен и не подвергался никакой властной или моральной цензуре.

Иногда мне кажется, что наш современный язык похож на подстриженный сад. Все цветы растут на одинаковой высоте, вся трава наклоняется в одном направлении. Выглядит аккуратно, но утрачена дикая жизненная сила. Язык должен быть похож на лес: где-то высокий, где-то низкий, где-то густой, где-то редкий, где-то гниющий, где-то обновляющийся. А то, с чем мы сталкиваемся сейчас, — это тщательно подстриженный газон: красивый, но скучный.

Однажды я упомянул слово «баба» на лекции, и один из слушателей встал и сказал, что это слово слишком не прилично, как можно его произносить в таком месте? Я спросил его в ответ: «По-вашему, кто определяет, что такое „неприлично“?» Он на мгновение озадачился. Я сказал: «Если в каком-то диалекте слово «ба-ба» означает просто маленькую лопатку, то почему в стандартном китайском языке оно стало ругательством? Это потому, что само по себе оно грязное, или потому, что кто-то его осквернил? Это похоже на то, как если бы вы подобрали чистый камень на речном берегу, обмазали его грязью, а потом сказали всем: «Этот камень изначально был грязным». Вы бы в это поверили?»

Именно так происходит политическое загрязнение языка. Некоторым словам придают дополнительные значения, зачастую негативные, чтобы принизить определенных людей, поступки или идеи. Со временем эти слова становятся табу: никто не осмеливается их использовать или даже упоминать. А те, кто создает эти табу, таким образом контролируют мысли людей — ведь если у тебя нет даже слова, чтобы говорить о чем-то, ты не сможешь об этом думать.

В молодости у меня был коллега — человек старой закалки, любивший употреблять старинные слова. Однажды на занятии он сказал «чурао-чжи-янь» («слова простолюдина»), и студенты остолбенели. Он объяснил, что это означает «недальновидное мнение простолюдина» и является выражением скромности. В результате один из студентов сказал: «Учитель, это слово слишком устарело, сейчас его никто не использует». Мой старый коллега вздохнул и сказал: «Слово устарело — и его больше никто не использует; человек устарел — и о нём забывают». Тогда мне показалось, что он слишком пессимистичен, но сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что он был прав. Язык меняется, но направление этих изменений зачастую не является свободным, а навязывается извне.

Как же вырваться из этой клетки? Мой способ заключается в том, чтобы создать собственный набор языковых инструментов. Не вступать в жесткую борьбу с этими запретными словами, а создавать новые или переосмысливать старые. Например, когда слово «товарищ» было запятнано, я стал использовать «соратник», «коллега», «путевой товарищ». Когда слово «свобода» стало слишком тяжёлым, я стал использовать «непринуждённость», «свобода действий», «естественность». Эти слова, возможно, не так сильны, как исходные, но они чисты и не запятнаны.

Еще важнее научиться находить лазейки в языке. Язык невозможно полностью контролировать, потому что люди всегда невольно произносят правду. Помню одну шутку: человека спросили: «Ты счастлив?», на что он ответил: «Моя фамилия — Ван». Изобретательность этого ответа в том, что он одновременно отвечает на вопрос и не отвечает на него. Он использует неоднозначность языка, чтобы обойти ловушку. В этом и заключается языковое сопротивление.

Я знаком со старым плотником, который никогда не читает газет и не слушает радио. Я спросил его, почему он не интересуется текущими событиями, и он ответил: «Меня интересует дерево. Дерево не обманывает. Возьми кусок дерева, постучи по нему, прислушайся к звуку — и сразу поймешь, цельное оно или пустое. А из слов человека звука не добыть». Его слова заставили меня долго размышлять. Язык похож на дерево: кое-что в нём цельное, а кое-что — пустое. Цельный язык способен выдержать тяжесть; пустой — разбивается при малейшем ударе. Нам нужно научиться различать их.

Поэтому, когда в следующий раз ты столкнёшься со словом, которое покажется тебе неправильным или «загрязнённым», не бойся. Ты можешь заменить его другим словом или переосмыслить его значение. Язык жив, он принадлежит каждому, кто им пользуется, а не какой-либо властной структуре. Если тебе кажется, что слово «ба-ба» чистое, то используй его. Если кто-то будет против, ты можешь сказать им: это твоё «ба-ба», а не моё. Мой «ба-ба» чист, потому что я использую его, чтобы выразить свою мысль, а не ту, которую мне навязывают другие.

Обсуждать эти вещи с молодыми друзьями, пожалуй, ещё имеет смысл. Ведь язык — это сосуд наших мыслей, и если сосуд загрязнён, то и мысли внутри него не будут лучше. А защищать язык — значит защищать свободу мысли.

Глава 4. «Молчаливое большинство»: школы с производственной практикой, «Двадцать четыре примера сыновней почтительности» и семена сопротивления

Есть одна история, о которой я до сих пор вспоминаю с смехом и грустью одновременно. Это произошло в конце 1980-х годов, когда я проводил полевые исследования в одном из северных городов и случайно услышал об этом. В том городе была школа-интернат, куда специально помещали подростков, которых считали «проблемными» — тех, кто дрался, воровал, вступал в ранние романтические отношения, грубил учителям или просто не поддавался родительскому контролю. Одним словом, это были «маргиналы» общественного порядка. Директором школы был мужчина средних лет, за пятьдесят, по фамилии Чжан. Говорили, что он перешел на гражданскую службу из армии. Он был чрезвычайно консервативен и придерживался принципа «под розгами вырастают послушные дети». У него была одна навязчивая идея: чтобы эти дети стали нормальными людьми, сначала нужно научить их «сыновней почтительности». Он считал, что сыновняя почтительность — первая из всех добродетелей и основа всей морали. Как только дети поймут, что такое сыновняя почтительность, они естественным образом станут послушными, будут хорошо учиться и пойдут по правильному пути.

Поэтому директор Чжан взялся за дело лично и каждую среду днём проводил для всех учеников школы «урок сыновней почтительности». Он рассказывал, по сути, те же избитые истории из «Двадцати четырёх примеров сыновней почтительности» — о том, как кто-то лежал на льду, чтобы поймать карпа, как Го Цзю похоронил своего сына, как Лао Лайцзы развлекал родителей, надев яркую одежду. Он рассказывал с таким воодушевлением, что слюна летела во все стороны, и сжимал голос, полагая, что сеет семена нравственности. Ученики сидели внизу, один за другим с бесстрастными лицами, словно деревянные столбы. Директор Чжан думал, что они тронуты, что на них произвела сильное впечатление, но на самом деле они просто думали о чем-то другом или вовсе дремали.

Но однажды директор Чжан заговорил о истории «Го Цзю зарыл своего сына». Он сказал: «Го Цзю, чтобы прокормить мать, был готов живо похоронить собственного сына — какая это филиал, какой дух самопожертвования!» Он рассказывал с таким волнением, что в его глазах блестели слёзы, словно он сам и был тем самым Го Цзю. Закончив, он спросил учеников: «Как вы думаете, правильно ли поступил Го Цзю?» Конечно, он хотел услышать «правильно», «мы тронуты», «мы должны брать пример с Го Цзю». Но один худощавый высокий мальчик, сидевший в заднем ряду, внезапно встал и крайне спокойным тоном сказал: «Директор, будь я сыном Го Цзю, я бы сначала закопал вас».

В классе наступила тишина, длившаяся примерно три секунды. Затем, словно взорвался котел, ученики разразились хохотом, смеялись до слёз, кто-то хлопал по столам, кто-то топал ногами, а у кого-то от смеха даже на глазах навернулись слёзы. Директор Чжан стоял на месте: сначала его лицо покраснело, потом побледнело, а в конце стало синевато-серым. Вероятно, он никогда не сталкивался с подобной сценой и даже не мог представить, что его тщательно подготовленное занятие по нравственному воспитанию может быть полностью разрушено одной фразой пятнадцати-шестнадцатилетнего подростка. Он пытался навести порядок, громко призывая к порядку, но смех был слишком громким, и его было невозможно подавить. В конце концов он с грохотом хлопнул дверью и ушел, и тот урок «о сыновней почтительности» так и остался незавершённым.

Я услышал эту историю, когда просматривал материалы в архиве одного из отделов по местной истории. Рассказал мне её пожилой сотрудник этого отдела по фамилии Ван, лет пятидесяти с лишним, носящий очки для чтения и всегда неторопливо потягивающий чай. Он сказал, что того худого и высокого мальчика впоследствии наказали крупным взысканием и заставили написать самокритику, но «урок сыновней почтительности» директора Чжана с тех пор был отменен и больше никогда не возобновлялся. Закончив рассказ, сотрудник Ван вздохнул и сказал: «Скажи, что это за дело? Директор школы, проработавший учителем несколько десятков лет, был побеждён одной фразой ученика. А тот ученик, как говорят, позже уехал на юг, занялся бизнесом и неплохо устроился».

Я тогда не засмеялся. Я думал: почему тот мальчик сказал такие слова? Был ли он действительно «плохим ребёнком»? Был ли он действительно неблагодарным сыном? Или же он просто не мог терпеть этот абсурдный моральный шантаж? История о Го Цзю, похоронившем своего сына, сама по себе полна крови и противоречит человеческой природе. Отец, ради так называемого «сыновнего долга», должен собственноручно убить своего сына. Разве это сыновняя почтительность? Это явное убийство, преступление. Но директор Чжан преподносил эту историю как образец нравственности. Гнев и сопротивление того мальчика на самом деле были проявлением инстинктивного, простого чувства справедливости. Он проник сквозь эту лицемерную и абсурдную моральную оболочку и разорвал её одной грубой, но сильной фразой.

Это напомнило мне сцену, которую я видел много лет назад в доме одного друга. Этот друг был учителем средней школы, преподавал китайский язык. У него был двенадцатилетний сын, учившийся в первом классе средней школы. Однажды классный руководитель задал детям сочинение на тему «Моя мечта». Ребёнок написал, что, когда вырастет, хочет стать продавцом мороженого, потому что он любит мороженое, а продавая его, можно есть его каждый день. Эта мечта, на мой взгляд, была наивной, милой и полной детского очарования. Но классный руководитель так не считала. Она зачитала это сочинение в классе, а затем раскритиковала его, заявив, что эта мечта «слишком низкопробна», «лишена амбиций» и «не отражает стремления внести вклад в развитие страны». Вернувшись домой, мальчик заплакал от обиды. Мой друг, тот учитель китайского языка, не утешил ребёнка, а, напротив, встал на сторону классного руководителя и отчитал его: «Как ты можешь быть таким безперспективным? Ты должен мечтать стать учёным, врачом или учителем!»

Я тогда стоял рядом и смотрел, как этот ребёнок плачет так, что душа разрывается, и мне было очень не по себе. Двенадцатилетний ребёнок мечтает продавать мороженое — что в этом плохого? Разве это не искреннее и прекрасное желание? Но наша система образования, наши социальные нормы, наши родители стремятся отрицать и подавлять его с помощью «стандартного ответа». Этот мальчик не стал сопротивляться на месте, как тот мальчик из школы-интерната, — он просто заплакал. Но не зародится ли в его душе семя сопротивления от этих слёз, от этого чувства обиды, от этой боли, вызванной отрицанием? Я не знаю. Но я надеюсь, что да.

Авторитет — это нечто, что на первый взгляд кажется нерушимым, но на самом деле очень хрупко. Он похож на замок из бумаги, снаружи покрытый золотой пудрой и украшенный

узорами в виде драконов, который выглядит величественно, но стоит кому-то слегка ткнуть в него пальцем — и в нем сразу же появится огромная дыра. «Урок сыновней почтительности» директора Чжана, «стандартные ответы» классного руководителя — все это такие бумажные замки. Они опираются на власть, на поддержку системы, на инерцию привычек, а не на настоящую убедительность. Стоит кому-то выступить вперед и одной правдивой фразой, одним искренним поступком проткнуть эту бумажную оболочку — как весь замок с грохотом рухнет.

В молодости я однажды прочитал в старом журнале отрывок, написанный неизвестным автором. Он говорил: «Идея — это как семя под землей. Ты не видишь его, не можешь потрогать, но оно там, незаметно накапливая силу. Когда оно прорастает, никакой камень не сможет его удержать». Тогда мне эти слова показались немного загадочными и идеалистичными. Но, пережив столько лет взлетов и падений, я всё больше убеждаюсь в их правдивости.

Тот школьник, его сопротивление было незначительным, случайным, можно даже сказать — наивным. Но его значение заключается не в том, что оно что-то изменило, а в том, что оно что-то доказало. Оно доказало, что авторитет не является непререкаемым, что правильного ответа не один, и что молчаливое большинство — те, кого обучают, дисциплинируют и подавляют, — не лишены мысли и способности судить. Они просто временно не высказываются и не действуют. Как только наступит подходящий момент, как только кто-то зажжет эту фитиль, молчание превратится в голос, а покорность — в сопротивление.

В истории слишком много таких примеров. Те, казавшиеся незыблемыми династии, те непоколебимые тираны, те догмы, которые провозглашались высшим авторитетом, в конечном итоге были разрушены бесчисленными мелкими, повседневными и незаметными актами сопротивления. Не героическими восстаниями, не великими революциями, а бесчисленными «сыновьями Го Цзю», бесчисленными детьми, мечтающими продавать мороженое, бесчисленными учениками, дремающими на уроках. Их сопротивление не было громким и не потрясало мир, но именно такое повседневное, молчаливое и непрекращающееся сопротивление и составляло самую могущественную силу.

Я часто вспоминаю того худощавого высокого мальчика. Я не знаю, как его зовут, и не знаю, где он сейчас. Но я думаю, что у него наверняка всё хорошо. Потому что он очень рано научился думать самостоятельно. Он не будет скован абсурдными догмами и не станет заложником лицемерной морали. Он осмелился сказать «нет», осмелился противостоять директору школы одной правдивой фразой. Такая смелость, такая способность к независимому мышлению важнее любых знаний и ценнее любого диплома.

Обсуждать всё это с молодыми людьми, наверное, ещё имеет смысл. Я надеюсь, что они поймут: авторитеты не заслуживают благоговейного страха, а стандартные ответы — слепого доверия. По-настоящему достойны уважения те крошечные, искренние, личные голоса. По-настоящему стоит стремиться к той смелости, которая позволяет сказать «нет». Молчаливое большинство — это не толпа бездумных слепоследователей. Они просто временно молчат. А семена мысли спрятаны именно в этом молчании, ожидая того дня, когда они прорастут.

Глава 5. Шутка истории: Галилей, Лаваз и наши колени

В старинных городах Европы каменные мостовые от хождения отполированы до блеска, а шпили церквей устремлены в небо, словно люди, жившие там несколько сотен лет назад, до сих пор продолжают размышлять. Но я задаюсь вопросом: что же в конце концов стало с теми, кто размышлял? Галилей преклонил колени и признал свою вину, Лавазье оказался на гильотине, а Цвейг принял яд. История похожа на старика, любящего подшучивать: она раздавила истину, а затем воскресила её иным образом.

Я до сих пор помню, как в детстве отец взял меня с собой в один маленький городок. Там стояла старая церковь, на стене которой висела каменная доска с высеченным именем одного человека. Отец сказал, что это был астроном, которого церковь заперла на всю жизнь за то, что он утверждал, будто Земля вращается вокруг Солнца. Я тогда этого не понимал и спросил отца: «Если он говорил правду, почему его наказали?» Отец вздохнул и ответил: «Иногда правда пугает людей больше, чем ложь». Эти слова я запомнил на всю жизнь.

Позже я поступил в университет и изучал историю. Профессор на лекции рассказывал о суде над Галилеем и говорил, что в 1633 году его заставили признать свою вину и согласиться с тем, что Земля — центр Вселенной. Я слушал и слушал, и вдруг почувствовал, как у меня подкосились колени. Это был не страх, а такое ощущение — когда человек ясно знает правду, но вынужден преклонить колени и сказать ложь. Такое унижение тяжелее самой смерти. Но Галилей выбрал жизнь, дожил до старости. Было ли его признание поступком из самосохранения или проявлением мудрости? Я до сих пор не могу в этом разобраться.

В год окончания университета я поехал в один город на юге. Там жил пожилой учёный, всю жизнь посвятивший изучению Лавасье. Он рассказал мне, что в 1794 году Лавасье был отправлен на гильотину по обвинению в «участии в антиправительственной деятельности». На самом деле он был просто химиком, открывшим кислород и сформулировавшим теорию горения. Лезвие гильотины опустилось, и умная голова покатилась в корзину. Тот учёный сказал: перед смертью Лавасье ещё провёл один эксперимент — попросил палача сосчитать, сколько раз он моргнёт, чтобы проверить, как долго сохраняется сознание после смерти. «Сколько раз он моргнул?» — спросил я. Учёный покачал головой: «Никто не знает. Но я знаю, что когда он умирал, он наверняка улыбался».

Я вспомнил о своём времени. В начале восьмидесятых, когда я только начинал заниматься научной работой, был один пожилой профессор, которого подвергали критике и разоблачению. Он рассказал мне, что в те времена его заперли в «коровнике» и заставляли каждый день писать самокритику. Что писать? Писать, что он выступал против революции. Но он всю жизнь занимался древней историей — откуда у него могло взяться такое противодействие? Он сказал: «Я просто выдумывал, чем нелепее, тем лучше — они всё равно верили». Я спросил его: «Тебе не было унижительно?» Он улыбнулся: «Унижительно? Да это ерунда. Главное — выжить, дожить до того момента, когда можно будет об этом написать».

Позже я прочитал рассказ о Цвейге. В 1942 году он покончил с собой, отравившись, потому что европейская цивилизация была разрушена войной. Он написал книгу «Звёзды человечества», в которой рассказывается о всех тех личностях, которые сияли на страницах истории. Но сам он выбрал смерть. Я подумал: если бы Цвейг дожил до моего возраста и увидел сегодняшний мир, что бы он подумал? Возможно, он посчитал бы, что звёзды всё ещё на небе, просто облака слишком густые.

У меня есть друг, физик. Он рассказал мне одну историю: в семидесятые годы, когда он работал в научно-исследовательском институте, один из руководителей потребовал от него подделать данные. Что именно? Изменить результаты одного эксперимента, чтобы выводы соответствовали тогдашним политическим лозунгам. Он отказался это делать, и руководитель

пригрозил ему, заявив, что у него проблемы с идеологией. В конце концов его перевели убирать туалеты, и он убирал их три года. Я спросил его: «Как ты думаешь, это того стоило?» Он ответил: «Стоило. Потому что я знаю: истину не выкрикивают, а вычисляют». Позже его восстановили на работе, а того руководителя перевели в другое место. Но он сказал, что каждый раз, проходя мимо того туалета, вспоминает те дни.

Такова история — она всегда повторяется. Признание Галилея, гильотина Лавазье, яд Цвейга, а также три года, которые мой друг провёл, убирая туалеты. Формы разные, но суть одна — власть хочет раздавить истину. Но истина подобна траве на земле: раздавишь её — она всё равно снова вырастёт. Просто для этого нужно время и нужны те, кто не сгибает колени.

У меня был один студент, который сейчас преподаёт в вузе. Он рассказал мне, что однажды на собрании руководство потребовало от всех преподавателей подписать обязательство не распространять «неправильные высказывания». Он спросил руководителя: «Что такое ложные высказывания?» Руководитель ответил: «Ты сам знаешь». Он не подписал, в результате чего его перевели на преподавание общеобразовательных предметов. Он сказал мне: «Учитель, я не боюсь. Потому что я помню, как вы говорили: согнув колени, уже не сможешь их выпрямить». Услышав это, я испытал смешанные чувства. И радость, и беспокойство.

В этом году мне исполнилось шестьдесят пять лет, и у меня начали болеть колени. Это не ревматизм, а старческая дегенерация. Но я вспоминаю тех людей из истории, у которых колени, наверное, болели ещё сильнее. Галилео преклонил колени перед церковью, и они болели три дня и три ночи. Лавазье стоял на эшафоте, и у него дрожали колени. Цвейг проглотил яд, и у него подкосились колени. Но ни один из них по-настоящему не сдался. Галилей признал свою вину, но продолжал думать; Лавазье умер, но оставил после себя кислород; Цвейг покончил с собой, но оставил после себя книги.

На днях я гулял по парку и увидел группу молодых людей, которые спорили. Они обсуждали какую-то социальную проблему и спорили так, что у них покраснели лица. Один парень сказал: «Я считаю, что это неправильно, но я не могу этого сказать». Другой спросил: «Почему не можешь?» Первый ответил: «Если скажу, у меня будут неприятности». Я подошел к ним и вставил: «Если ты скажешь, у тебя, возможно, будут неприятности. Но если не скажешь, неприятности будут у твоих колен». Они посмотрели на меня и ошолбенели. Я улыбнулся и пошел дальше.

Обсуждать такие вещи с молодыми друзьями, пожалуй, всё-таки имеет смысл. История — это шутка, но истина — нет. Галилей преклонил колени, Лавазье погиб, Цвейг ушёл из жизни, но то, что они оставили после себя, осталось. Наши колени мы должны удерживать. Не ради чего-то другого, а просто для того, чтобы в этой шутке смеяться последним.

Глава 6. Пересекая океан: антивоенное движение, левые салоны и наследие идеализма

Больше всего мне запомнились те вечера, когда мы обсуждали идеалы в гостиных. Я не имею в виду те напыщенные салоны, где достаточно повесить несколько картин известных художников и поставить пару ваз, чтобы смело называть себя интеллектуалами. Я говорю о старых, обветшалых квартирах, где скрипит пол, книги на полках склоняются и теснятся друг к другу, а стены обклеены выцветшими плакатами и листовками. Садись — пружины дивана впиваются в ягодицы, но никому до этого нет дела. Главное — в воздухе витает запах сигарет, кофе и тот неопиcуемый аромат, свойственный идеалистам.

Это было в середине девяностых, мне было чуть за сорок, и я провёл несколько месяцев в одном из университетских городков на Среднем Западе США. Однажды позвонил мой друг Том и сказал, что вечером у него дома будет вечеринка и я обязательно должен прийти. Том был историком, изучавшим революционные движения в Латинской Америке; в его кабинете висела черно-белая фотография Че Гевары, но я знал, что его настоящим кумиром был какой-то аргентинский поэт. Его жена Эмили преподавала социологию; оба они были типичными левыми интеллектуалами — носили хлопковые рубашки, пили кофе из справедливой торговли и с презрением относились ко всем символам капитализма.

Когда я пришёл, в гостиной уже сидели семь-восемь человек. Один лысеющий мужчина средних лет что-то горячо рассказывал: он говорил громко, сопровождая слова выразительными жестами, словно произносил речь. Рядом с ним худенькая женщина вязала свитер, время от времени вставляя свои замечания. В углу сидел молодой человек, лет двадцати с небольшим, в очках в круглых оправах; он выглядел так, будто сошел с экрана какого-то старого фильма. В руках он держал потрепанную книгу, надпись на обложке которой я не смог разглядеть.

Том налил мне бокал красного вина — такого дешёвого калифорнийского, от кислоты которого морщишься. Он представил меня всем, сказав, что я — приглашённый учёный из Востока. Тот лысый мужчина, которого все называли Бобом, кивнул мне, а затем продолжил прежнюю тему.

«Вы ещё помните?» — сказал Боб, и его глаза заблестели в свете лампы. «В шестьдесят восьмом, в Чикаго, полицейские ворвались туда, как сумасшедшие. У одного моего друга сломали три ребра. Тогда мы думали, что мир действительно изменится».

Женщина, вязавшая свитер, подняла голову и тихо сказала: «Да, тогда каждый из нас верил, что мы сможем всё изменить. Сейчас, когда об этом подумаешь, это даже немного смешно».

«Не смешно», — вставил Том, — «совсем не смешно. Мы действительно кое-что изменили. Разве не была отменена расовая сегрегация? Разве не закончилась война во Вьетнаме? Вы же должны это признать».

«А что было потом?» — внезапно спросил молодой человек. Его голос был спокоен, но в комнате воцарилась тишина. «Куда вы потом пошли? Я имею в виду, чем сейчас занимаются те, кто когда-то шел по улицам в маршах? Мой отец рассказывал, что в те времена он тоже участвовал в антивоенных маршах, но потом стал риэлтором и теперь целыми днями занят продажей домов. Он говорит, что все те события были как сон».

Я заметил, как изменилось выражение лица Тома. Он поднял бокал, сделал глоток и сказал: «Твой отец и прав, и не прав. Действительно, многие сдались, но всегда найдутся те, кто продолжает бороться. Например, я, например, Боб, например, Эмили. Мы по-прежнему преподаем, по-прежнему пишем статьи, по-прежнему пытаемся сделать этот мир чуть более справедливым».

«А как же ваши студенты?» — переспросил молодой человек. «Им это ещё небезразлично?»

Этот вопрос словно камень, брошенный в гладь спокойного озера. Никто не ответил сразу. Боб погладил свою лысую голову и вздохнул. Женщина, вязавшая свитер, отложила рукоделие и задумчиво уставилась на одну из картин на стене. Наконец молчание прервал Том.

«Заботит их это или нет — не в этом суть, — сказал он. — Суть в том, что мы должны передать факел дальше, даже если его подхватит всего один человек. История не остановится из-за того, что ты сдался, — она просто оставит тебя позади».

В этот момент Эмили вынесла из кухни большое блюдо с макаронами и пригласила всех к столу. Я сел за обеденный стол, напротив меня сидел тот молодой человек. Его звали Марк, он был аспирантом Тома и специализировался на американских общественных движениях 1960-х годов. Я спросил его, почему он интересуется этой темой.

«Потому что мне всегда казалось, что нашему поколению чего-то не хватает», — сказал Марк, и в его глазах читалась полная серьёзность. «Я родился в 1972 году, и к тому времени, когда я стал осознавать происходящее, шестидесятые уже закончились. Я видел только марши на видеозаписях, лозунги в книгах и истории, которые мой отец иногда рассказывал с ноткой ностальгии. Но я знаю, что это не всё. Я хочу понять, почему так много людей были готовы отдать всё ради идеала».

«Так ты теперь понимаешь?» — спросил я.

Он покачал головой и горько улыбнулся. «Мне это становится всё менее понятно. Люди вашего поколения, кажется, от природы обладают какой-то верой. А мы? Мы верим во всё и в то же время ни во что. Можно выбрать быть экологом, можно — хиппи, а можно и вовсе ничего не выбирать, а просто пойти домой и поиграть в видеоигры. Выбор слишком велик, и из-за этого не хватает смелости сделать выбор».

Я вспомнил о том, что пережил в молодости, когда жил в Китае. Хотя времена разные, но то стремление к идеалам, тот порыв «пойти на всё ради чего-то» — на самом деле это одно и то же. Помню, как однажды мы с друзьями до поздней ночи спорили в общежитии о том, «зачем вообще люди живут». Никто никого не убедил, но к рассвету каждый чувствовал, что нашёл свой ответ.

«Большой выбор — это не плохо», — сказал я Марку, — «но если ты хочешь только комфортной жизни, то никогда не найдешь идеала. Идеал — это то, за что приходится платить. Он требует от тебя отказаться от чего-то: от стабильности, от материальных благ, от признания со стороны других. Ты должен спросить себя, чем ты готов пожертвовать ради него».

Боб, слушавший нас, громко воскликнул: «Отлично сказано! Проблема в том, что все хотят получить что-то даром. Хотят изменить мир, но не хотят жертвовать своими выходными. Как это вообще возможно?»

«Но разве люди вашего поколения не прошли через студенческие движения?» — сказал Марк. «Вы тоже когда-то были молодыми, тоже когда-то колебались. Почему в конце концов вы решили выступить?»

«Потому что выбора не было», — сказал Боб, и его голос внезапно стал тише, — «Когда ты видишь, как твои друзья гибнут на поле боя, когда ты видишь, как твоих соотечественников дискриминируют из-за цвета кожи, когда ты видишь, как правительство лжет тебе, ты не можешь сидеть дома и делать вид, что ничего не происходит. Гнев заставляет тебя выйти на улицу».

Женщина, вязавшая свитер, — позже я узнал, что её зовут Сьюзан, — наконец заговорила: «Мне кажется, гнев — это только часть. В большей степени это надежда. Мы верим, что, если мы приложим достаточно усилий, мир станет лучше. Эта надежда сильнее гнева».

Её слова напомнили мне о разговоре с одним пожилым профессором много лет назад, когда я ещё учился в аспирантуре. Этот профессор пережил много бурных лет и видел немало

самых мрачных сторон человеческой натуры. Но он никогда не был пессимистом и всегда говорил: «История не будет идти только вниз, рано или поздно наступит подъём. Твоя задача — подготовиться к тому дню, пока он не наступил».

В тот вечер мы пробыли у Тома до двух часов ночи. Красное вино закончилось, паста была съедена до последней ложки, но никто не хотел уходить. Мы много общались — от антивоенного движения шестидесятых до глобализации девяностых, а затем перешли к идеализму, живущему в сердце каждого из нас. По ходу беседы Том достал несколько старых пластинок и поставил песни Боба Дилана. Когда зазвучала песня «Ответы уносятся ветром», Боб подпел, и его хриплый голос звучал с какой-то неопишуемой силой.

«Сколько пути нужно пройти человеку, чтобы стать человеком?» — допев до этой строчки, он внезапно замолчал, посмотрел на Марка и сказал: «Послушай, эта песня была написана в шестидесятых, но и сегодня звучит так же актуально. Потому что проблема не изменилась, а ответ никогда не устареет».

Марк кивнул, ничего не сказав. Но я заметил, что в его глазах что-то блеснуло.

Когда я уходил, Том проводил меня до двери. Он похлопал меня по плечу и спросил: «Как тебе? Наша вечеринка».

«Отлично», — ответил я, — «напомнило мне о молодости».

«Да, — вздохнул он, — мы все постарели. Но, по крайней мере, мы живы и по-прежнему обсуждаем такие вещи. Посмотри на этих молодых людей: у них есть всё, чего только ни нужно, но не хватает идеалов. Это меня очень беспокоит».

«Может, они просто ещё не нашли свой путь», — сказал я. «У каждой эпохи есть свои заблуждения, но у каждой эпохи есть и свои ответы».

Том помолчал, а потом сказал: «Ты прав. Но я всё же надеюсь, что они что-то унесут отсюда. Пусть даже одну мысль, один вопрос, одну проблему, из-за которой им не будет спать».

По дороге домой я всё время размышлял над словами Тома. В тот вечер я увидел два лица идеализма: одно — ностальгическое, с тоской по прошлому и нежеланием с ним расставаться; другое — наследующее, пытающееся найти новые формы выражения в новую эпоху. Боб принадлежит к первому типу: он воспринимает воспоминания о шестидесятых как некую веру, постоянно повторяя их и тоскуя по ним. А Том и Сьюзан относятся ко второму типу: они пытаются передать факел следующему поколению, и даже если он окажется в руках всего одного студента, это уже стоит того.

А как же Марк? Он олицетворяет растерянность того поколения. У них не то чтобы нет идеалов, просто их идеалы размыты избытком возможностей и размыты потребительством. Они хотят изменить мир, но не знают, с чего начать. Они хотят во что-то верить, но обнаруживают, что всё вызывает сомнения. Это не их вина, это проблема эпохи.

Я подумал о своём поколении, о том, что мы пережили с юности до старости. Мы когда-то гневались, боролись, а когда-то разочаровывались и шли на компромиссы. Но мы никогда не переставали задавать вопросы. Почему? Потому что само по себе задавание вопросов — это уже идеализм, ему не нужны результаты, не нужны ответы, нужно лишь продолжать спрашивать.

Вернувшись домой, я сел у окна и смотрел на темную улицу. Иногда издали доносился лай собак и звук автомобильного двигателя, а потом всё снова погружалось в тишину. Я вспомнил слова того старого профессора: «Идеализм — это не вера, а привычка. Если ты привык задавать вопросы, привык сомневаться, привык оставаться чувствительным к этому миру, ты никогда не станешь безразличным человеком».

На следующее утро я получил электронное письмо от Тома. Он написал, что Марк решил остаться и продолжить с ним исследования, посвященные влиянию антивоенного движения шестидесятых годов на современное общество. В письме Том написал: «Возможно, факел действительно был передан. По крайней мере, одна рука его подхватила».

Я улыбнулся. Не потому, что это было чем-то особенно важным, а потому, что это заставило меня поверить: идеализм — это как сорняк, который, казалось бы, выкорчеван, но стоит лишь пролиться дождю — как он снова прорастает. Его невозможно искоренить навсегда, так же как невозможно искоренить надежду.

Позже, вернувшись на родину, я время от времени вспоминала тот вечер. Вспоминала свет в гостиной Тома, хриплый голос Боба, свитер, связанный Сьюзан, и серьёзный взгляд Марка. Все это лучше, чем любой научный труд, объясняет мне, что такое идеализм. Это не поза, не лозунг и даже не действие. Это выбор. Когда ты решаешь верить, задавать вопросы, не сдаваться — ты уже воплощаешь идеализм в жизнь.

Что касается того, к каким результатам приведёт этот выбор, никто не знает. Возможно, это будет провал, возможно, разочарование, а может, просто забвение историей. Но какая разница? Важно то, что ты сделал этот выбор. Как сказал Том, история не остановится только потому, что ты сдался. Она просто оставит тебя позади.

Поэтому, наверное, все-таки есть смысл поговорить об этом с молодыми людьми.

Глава 7. Муравьи и баскетбольный мяч: когда мы теряем систему отсчёта

В эпоху информации я заметил странное явление: будь то Нью-Йорк или Токио, Шанхай или Лондон, выражения лиц людей становятся всё более похожими. Я видел такое выражение — оно похоже на ощущение, когда муравей забирается на баскетбольный мяч: голова кружится, и ты теряешь ориентацию.

Я говорю это, исходя из личного опыта.

Прошлым летом один из моих студентов вернулся из Кремниевой долины и привез мне в подарок очки виртуальной реальности. Он сказал: «Учитель, наденьте их — и вы увидите весь мир». Надев их, я действительно увидел многое: слонов на африканской саванне, ледники Антарктиды, и даже — благодаря камере, прикрепленной к спине орла, — смог испытать ощущение полета. Но сняв очки, я почувствовал сильную усталость — не физическую, а умственную. Как бы это описать... Это как будто тебя внезапно бросили в огромную библиотеку, где все книги раскрыты одновременно, а все слова набрасываются на тебя; ты хочешь посмотреть на всё, но в итоге ничего не можешь разглядеть.

Это ощущение головокружения напомнило мне один случай из детства. Мне тогда было лет семь-восемь, и я поехал с отцом в деревню. Ночи в деревне были особенно тёмными, а звёзды — особенно яркими. Я лежал на площадке для сушки зерна, немного посмотрел на звёзды и вдруг обнаружил, что не могу сориентироваться. Небо было усыпано бесчисленными звёздами, но не было ни Большой Медведицы, ни Полярной звезды — я словно упал в огромное море света, где не мог различить, где верх, где низ, где лево, где право. Это чувство страха я помню до сих пор.

Позже отец объяснил мне, что, глядя на звёзды в незнакомом месте, нужно сначала найти ориентиры. Найти три самые яркие звёзды, запомнить их относительное расположение, а затем постепенно расширять поле зрения. Так можно не заблудиться.

Этот принцип в равной степени применим и к эпохе информации. Сейчас перед нами не несколько тысяч звёзд, а сотни миллионов сообщений. Каждый высказывает своё мнение, каждую секунду появляются новые точки зрения, новые данные, новые «истины». Но проблема в том, что когда мы верим во всё, это равносильно тому, что мы не верим ни во что. Когда всё важно, ничего не имеет значения.

У меня есть друг, который двадцать лет проработал редактором в газете. Два года назад газета закрылась, и он устроился в компанию, занимающуюся новыми медиа. Проработав там три месяца, он пришёл ко мне выпить и сказал, что не выдерживает. Я спросил, почему. Он ответил: «Когда я работал в газете, выпуск выходил только раз в день, и нужно было обдумывать, какую новость поместить на первую страницу, а какую — в угол». А теперь, смотрите, данные аналитики показывают, что читатели в среднем смотрят каждую статью всего три секунды. Три секунды! То, что я писал три часа, люди пролистывают за три секунды. Когда он говорил это, огонек в его глазах погас.

Позже этот друг уволился и уехал в горную местность, чтобы открыть общественную библиотеку. Он сказал, что, по крайней мере, там книга может быть прочитана кем-то от корки до корки.

Этот случай заставил меня многое обдумать. Наше поколение прошло путь от печатных СМИ к цифровым, от медленного ритма жизни к быстрому, от дефицита информации к информационной перегрузке. Но и перегрузка, как и дефицит, лишает человека способности трезво судить. Это как с человеком: когда он голоден, у него кружится голова, а когда он переедает — тоже.

У меня есть теория, которую я называю «потерей системы отсчёта». В чём она заключается? Дело в том, что человеку нужны определённые фиксированные координаты, чтобы определить своё местоположение. В эпоху, когда ещё не было GPS, моряки ориентировались по Полярной звезде, а путешественники — по дорожным указателям. А сейчас? У нас есть GPS,

навигационные приложения и бесчисленное множество «авторитетов», которые подсказывают, куда идти. Но этих авторитетов так много, что это, напротив, только запутывает людей.

Приведу пример. Несколько лет назад я побывал на семинаре, посвящённом искусственному интеллекту. На сцене сидели пять экспертов: один утверждал, что ИИ уничтожит человечество, другой — что ИИ спасёт человечество, третий — что ИИ — не более чем сложный калькулятор, четвёртый — что ИИ уже обрёл самосознание, а пятый — что все остальные неправы. В зале сидели пятьсот человек, и все были в полной растерянности. Один молодой человек поднял руку и спросил: «Учитель, кому мне верить?» Пятеро экспертов на сцене переглянулись, но никто ничего не ответил.

Это типичная дилемма информационной эпохи: мы получаем беспрецедентный объем информации, но теряем способность ее оценивать. Это как муравей, забравшийся на баскетбольный мяч: он видит всю поверхность мяча, но не знает, где находится сам.

Эта дилемма особенно ярко проявляется у молодёжи. Я преподаю уже более тридцати лет и заметил, что студенты меняются быстрее, чем само общество. Студенты 80-х годов жаждали знаний и хотели учиться всему. Студенты 90-х годов были прагматичны и ориентированы на результат, они хотели изучать только то, что приносит пользу. А студенты нового века? Они уже не испытывают жажды знаний, потому что погружены в море информации; они также не стремятся к конкретным результатам, потому что не знают, к чему им стремиться.

Однажды один студент спросил меня: «Учитель, что, по-вашему, правильно?» Я ответил: «Этот вопрос слишком обширен, сначала ты должен спросить себя, что для тебя важно». Он сказал: «Я не знаю, мне кажется, что всё важно, и в то же время ничего не важно». Эти слова напомнили мне о том маленьком мальчике, который не мог сориентироваться на току.

Но проблему всё равно нужно решать. Муравей не может вечно лежать на баскетбольном мяче, теряя ориентацию. Нам нужно найти новую систему отсчёта.

Мой подход заключается в следующем: вернуться к самому основному.

Что такое самое основное? Это то, что проверено временем и не теряет своей ценности, несмотря на изменения эпох. Например, честность. Например, уважение к фактам. Например, способность к независимому мышлению. Эти вещи звучат банально, но чем больше мы погружаемся в эпоху информационного взрыва, тем ценнее они становятся.

У меня есть привычка: каждое утро, проснувшись, я не смотрю на телефон и не включаю компьютер, а сначала некоторое время смотрю на дерево за окном. Это дерево стоит у окна моего дома уже двадцать лет: весной распускается, осенью сбрасывает листья — и никогда не меняется. Оно не расскажет мне, какие сегодня новости, и не сообщит, кто снова высказал что-то сенсационное. Но, глядя на него, я чувствую стабильность. Именно эта стабильность и является моей системой отсчёта.

Есть ещё один способ: разделить информацию на три категории. Первая — факты, то есть то, что можно проверить. Вторая — мнения, то есть интерпретация фактов другими людьми. Третья — эмоции, то есть чувства, которые эта информация в вас вызывает. Многие теряются именно потому, что смешивают эти три категории. Увидев новость, они сначала поддаются эмоциям, затем принимают чужие мнения, а в конце концов даже забывают, что на самом деле является фактом.

У меня есть друг, физик. Он рассказал мне, что для измерения положения объекта нужны три опорные точки. Для оценки мыслей человека тоже нужны три опорные точки: история, логика и сопереживание. История рассказывает, что происходило в прошлом, логика подсказывает, как должны развиваться события, а сопереживание помогает понять чувства других людей.

Как верно сказано! Жаль, что современные люди смотрят только на то, что перед глазами, не обращая внимания на историю; руководствуются лишь чувствами, игнорируя логику; заботятся только о своих собственных чувствах, не думая о других.

Говоря об этом, я вспомнил один случай. Два года назад я участвовал в форуме, посвящённом кибернасилию. Один молодой человек встал и рассказал, что его обругали в интернете за то, что он раскритиковал актёрскую игру своего кумира. Он сказал, что эти люди вообще не знают его и не знают, соответствует ли его высказывание действительности, но сразу же перешли к личным нападениям. Я спросил: «Как ты потом поступил?» Он ответил: «Сначала я очень разозлился и хотел ответить тем же». Потом я подумал и решил, что в этом нет необходимости. Ведь те, кто меня ругал, на самом деле ругали не меня, а просто выплескивали свои эмоции. Им нужна была мишень, и я просто оказался на их пути».

Этот молодой человек меня очень порадовал. Он не дал себя унести потоком информации, а нашел свои ориентиры. Он знает, на что стоит реагировать, а на что — нет. Эта способность важнее любых знаний.

Я часто говорю студентам: «Вы должны научиться „отсекать, отбрасывать и отпускать“». Речь идет не о вещах, а об информации. Вам не нужно знать обо всём. В мире каждый день происходит столько событий, и девяносто процентов из них не имеют к вам никакого отношения. Вам нужно обращать внимание только на ту информацию, которая действительно важна и способна помочь вам расти.

Но что же действительно важно? Это вам предстоит определить самим. Никто не может решить это за вас. Как на току: отец мог научить меня ориентироваться по ориентирам, но он не мог смотреть на звезды вместо меня.

В заключение я хочу раскрыть один секрет. На самом деле, когда муравей забирается на баскетбольный мяч, он не теряет ориентацию. У муравья есть своя система навигации, которая опирается на рельеф поверхности, запахи и положение солнца. То же самое и с нами, людьми. Когда все внешние ориентиры перестают работать, у нас остаются внутренние ориентиры. Эти ориентиры — это накопленный с детства опыт, наши ценности и интуиция.

Вопрос в том, серьезно ли вы когда-нибудь занимались развитием этой внутренней системы ориентиров? Спрашивали ли вы себя в тишине: «Во что я на самом деле верю? Почему я в это верю?»

Этот вопрос заслуживает того, чтобы каждый над ним задумался. Особенно в нашу эпоху, когда вокруг летает масса фрагментарной информации.

Глава 8. Сруб оливкового дерева: когда изобилие заменяется идеологией

Побывав в разных местах и увидев разные вещи, я постепенно понял одну истину: богатство мысли важнее любого догмата. Эта истина звучит просто, но воплотить её в жизнь сложнее, чем взобраться на небо. Ведь всегда найдутся те, кто хочет срубить оливковое дерево и заменить его однородным питомником.

Оливковые деревья я видел на юге Италии. Эти деревья настолько старые, что их кора морщинистая, как лицо старика, но они всё ещё живы и каждый год по-прежнему приносят блестящие плоды. Местные жители рассказали мне, что некоторым оливковым деревьям уже более тысячи лет. Более тысячи лет! Это дольше, чем существовали многие династии. Они пережили войны, эпидемии, землетрясения, но по-прежнему стоят на своих местах, укоренившись в щелях скал, а ветви и листья тянутся к небу. Каждое оливковое дерево непохоже на другое: у одних шея наклонена, у других — спина согнута, а на некоторых остались обугленные шрамы от ударов молнии. Но все они живы и приносят плоды.

Вот что такое плодородие. Плодородие — это не однообразие, не однотипичность, а разнообразие жизней, теснящихся бок о бок: ты растёшь по-своему, я — по-своему, и никто никому не мешает. Но всегда найдутся те, кому такое зрелище не по душе. Им кажется, что оливковые деревья слишком беспорядочны, слишком не подчиняются правилам, и они хотят срубить их, чтобы посадить деревья одного вида — быстрорастущие, плодоносящие и простые в уходе. Они называют это «усовершенствованием», но на самом деле это уничтожение изобилия.

Когда я преподавал в одном университете, я был свидетелем такого «усовершенствования». На философском факультете того университета изначально работали несколько пожилых профессоров, каждый из которых читал лекции по своей специальности. Один преподавал Канта, другой — Чжуан-цзы, а третий специализировался на индийском буддизме. Студенты слушали того, кого хотели, и иногда даже вступали в споры, споря до покраснения лиц. Позже пришёл новый руководитель, который заявил, что нужно «объединить ресурсы» и слить курсы этих трёх преподавателей в один под названием «Сравнительная философия Китая, Запада и Индии». Старые профессора не согласились, заявив, что сравнивать это невозможно. Руководитель спросил: «Почему нельзя сравнивать? Ведь это же философия». В результате преподаватель, читавший курс по Канту, ушёл, преподаватель, читавший курс по Чжуан-цзы, был переведён на преподавание политики, а преподаватель, специализировавшийся на индийском буддизме, просто ушёл на досрочную пенсию. Новый курс стал вести молодой преподаватель, который, правда, умел преподавать, но превратил учения всех трёх в «материализм» и «диалектику». Студенты, прослушав его, сказали: «Оказывается, философия — это вот что такое».

Вот что значит «срубить оливковое дерево». Если не дать разным идеям расти вместе, а навязать им одну форму, то в итоге не останется никаких идей.

Подобное происходит не только в университетах. Я сталкивался с этим и в СМИ. В девяностые годы я даже писал статьи для некоторых газет. В те времена газеты, хотя и подвергались ограничениям, по крайней мере, были несколько разных. Одни склонялись влево, другие — вправо, одни предпочитали обсуждать культуру, другие — экономику. Читатели выбирали то, что им было нужно, и могли ознакомиться с разными точками зрения. Потом так больше не стало: все газеты стали одинаковыми. На первых страницах — одни и те же новости, в редакционных статьях — один и тот же тон, даже проза в приложениях стала одинаковой — везде писали о «прелестях весны» и «меланхолии осени». У меня есть друг, который двадцать лет проработал редактором в одной газете, а потом его уволили. Он говорит, что современные газеты — как будто вылеплены из одной формы, даже опечатки в них одинаковые.

Это напомнило мне одну историю. Я знаком со студентом из деревни, чья семья занималась земледелием. Он рассказывал мне, что его отец, возделывая землю, никогда не сажал только одну культуру. Рядом с кукурузой он сажал бобы, рядом с бобами — тыкву, а под тыквой еще и разводил кур. Он говорил, что только так земля остается плодородной, вредителей меньше, а урожай стабильный. Если же сажать только одну культуру, то в первый год всё ещё нормально, а во второй — уже нет: почва становится всё беднее, а вредителей — всё больше. Его отец говорил, что это называется «оживлять землю». Я думаю, с мыслями всё точно так же. Нужно дать возможность разным мыслям расти вместе, конкурировать друг с другом и дополнять друг друга — только тогда «поле» мыслей будет «живым». Если же разрешить расти только одной мысли, то поле умрёт, и мысли тоже умрут.

Но всегда найдутся люди, которые не понимают этой истины. Им кажется, что разнообразие — это хаос, это проблемы. Они хотят жить в идеальном мире, где все думают одинаково, говорят одно и то же и делают одно и то же. Они полагают, что так наступит мир и спокойствие, но не понимают: такой мир — это мир мертвецов.

У одного друга я видел старую книгу об экологии. В ней говорилось, что чем больше видов в экосистеме, тем она стабильнее. Если видов мало, система становится уязвимой, и одна болезнь может уничтожить её целиком. То же самое и с мыслями. Чем больше идей в обществе, тем стабильнее оно. Если идей мало, общество становится уязвимым: одного лозунга достаточно, чтобы взбудоражить всех. Но те, кто хочет срубить оливковые деревья, не понимают этой истины. Они думают, что, вырубив «посторонние» деревья и посадив один вид, лес станет лучше. Но они не знают, что именно то, что они вырубают, и есть жизнь леса.

Помню, как однажды я ездил на конференцию. Там один человек с большим воодушевлением произнес длинную речь о том, что мысли современных людей слишком беспорядочны

и необходимо «унифицировать представления». Он сказал, что цель нашего образования — воспитать определённый тип людей: людей с идеалами, нравственными принципами, культурным уровнем и дисциплиной. Выслушав его до конца, я не удержался и спросил: «А чьи же идеалы у таких людей? Чья мораль у таких людей?» Он на мгновение озадачился и ответил: «Конечно же, это идеалы всех и мораль всех». Я сказал: «Нет. Идеалы всех — это когда у каждого свои идеалы. Если вы хотите их унифицировать, то это уже не могут быть идеалы всех, а только ваши личные».

Возможно, эти слова прозвучали слишком резко. Но я действительно был обеспокоен. Ведь я видел слишком много людей, которые, полагая, что владеют истиной, стремятся уничтожить чужие мысли. Они не понимают, что истина — это не то, чем может овладеть один человек. Истина постепенно раскрывается в столкновении разных идей. Уничтожив одну идею, ты, возможно, отдаляешься от истины на один шаг.

У меня есть старый друг, художник. Он рисовал всю жизнь, пробовал все стили: масло, акварель, традиционную китайскую живопись и даже компьютерную графику. Другие говорили, что он «разносторонний», а он отвечал: «И хорошо, что разносторонний». Он говорил: «Если на одном дереве распускаются разные цветы, это и есть красота. А если только один вид цветов — это уже искусственные цветы». На самом деле он говорил именно о мысли.

Но эту истину сейчас понимают всё меньше и меньше людей. Посмотрите на современное образование: от начальной школы до университета всех учат «стандартным ответам». В литературе есть стандартные ответы, в математике — стандартные ответы, даже в сочинениях есть стандартные ответы. У моего соседа есть сын, который учится в третьем классе начальной школы. Он написал сочинение на тему «Моя мечта». Он написал, что хочет стать поваром, потому что любит есть. Учитель поставил ему неудовлетворительную оценку, сказав, что мечта недостаточно возвышенная. Позже он написал, что хочет стать космонавтом, и учитель поставил ему «отлично». Ребёнок вернулся домой и сказал отцу: «Оказывается, мечта — это не то, кем ты сам хочешь стать, а то, кем учитель хочет, чтобы ты стал». Отец, услышав это, не знал, что ответить.

Вот что значит «рубить оливковое дерево» в образовании. Если не давать детям думать о том, о чём они хотят, а навязывать им то, о чём хочешь ты, то в конце концов они перестанут думать вообще.

В некоторых странах я видел другой подход к образованию. Это одна из стран Северной Европы, где у меня есть друг, преподающий в школе. Он рассказал, что в их школах не учат стандартным ответам. Там учат учеников задавать вопросы. Например, на уроках истории учитель не говорит: «История такова-то», а спрашивает: «Почему история такова-то?». Ученики сами ищут информацию, сами обсуждают и в итоге приходят к собственным выводам. Учитель не оценивает правильность или неправильность ответов, а оценивает только процесс мышления. Услышав об этом, я очень позавидовал. Но я также понимаю, что такое образование у нас, скорее всего, не сработает. Потому что некоторые боятся. Боятся, что ученики зададут вопросы, которые не следует задавать, боятся, что ученики придут к выводам, к которым не следует приходиться.

Но я хочу сказать: чем больше вы боитесь, тем больше нужно позволять им задавать вопросы. Потому что, затыкая отверстия, через которые прорываются вопросы, вы не избавитесь от них — они просто уйдут в подполье и превратятся в нечто ещё более опасное. Это как с деревом: если вы срежете его ветви, оно не умрёт, а пустит новые ветви в другом месте. Чем больше вы стремитесь к единомыслию, тем больше мысли расходятся.

Я написал книгу, посвящённую историческим событиям. После её публикации мне пришло письмо с оскорблениями, в котором меня называли «преступником перед историей». Я прочитал его, но не рассердился. Я подумал: он ругает меня, потому что верит в то, во что верит. А я верю в то, во что верю. Никто из нас не сможет убедить другого. Но это неважно.

Важно то, что мы ещё можем говорить, можем спорить. Если однажды мы все перестанем говорить — вот это будет страшно.

Но некоторые люди просто не хотят, чтобы ты говорил. Они считают, что если то, что ты говоришь, неверно, то говорить об этом не следует. Они считают, что знают, что правильно, и ты должен их слушать. Они считают, что мысли должны быть только одного рода — именно их. Это напоминает мне слово «мыслительная тюрьма». То есть ты запираешь мысли человека в клетку, кормишь его определённой пищей, чтобы он вырос в определённом виде. Но человеческие мысли — это не куры, не свиньи, их нельзя держать в загоне. Человеческое мышление — дикое и свободное. Чем больше ты пытаешься его запереть, тем сильнее оно стремится к свободе.

В молодости я тоже верил в некоторые вещи. Тогда мне казалось, что я знаю, что такое истина, а что — заблуждение. Мне казалось, что все, кто отличается от меня, неправы. Я даже считал, что они не заслуживают жизни. Сейчас, вспоминая об этом, я понимаю, каким ужасным был я тогда. Ведь человек, считающий, что другие не заслуживают жизни, сам тоже не заслуживает жизни.

Позже я постепенно понял, что истина не может быть монополией одного человека. Истина — это дело всех. Нужно прислушиваться к мнению других, даже если оно полностью противоречит твоему. Ведь только выслушав других, ты поймешь, верно ли то, что думаешь сам. Если ты слушаешь только себя, то ты — лягушка на дне колодца, которая никогда не узнает, насколько велико небо.

Но в современном мире всё реже дают возможность выслушать друг друга. Посмотрите на эти споры в интернете — там никаких споров нет, только взаимные оскорбления. Ты говоришь своё, я говорю своё, и никто никого не слушает. Это хуже, чем вообще не говорить. Ведь когда молчишь, по крайней мере, есть возможность подумать. А когда ругаешься, даже не задумываешься — просто выплескиваешь эмоции.

Иногда я думаю: если бы я мог вернуться в молодость, я бы сказал себе одну фразу: «Не торопись с выводами. Больше слушай, больше смотри, больше думай». Дела в этом мире не так просты, как тебе кажется. Ты думаешь, что всё понял, а на самом деле ничего не понимаешь. Ты думаешь, что нашёл истину, а на самом деле нашёл лишь пузырь. Стоит подуть ветру — и он лопнет.

Но молодые люди не слушают. Им кажется, что они всё знают. Им кажется, что они умнее предыдущего поколения. Но они не знают, что каждое поколение считает себя умным, но каждое поколение совершает одни и те же ошибки. Виноваты не они, а их самоуверенность. Ведь чрезмерная самоуверенность превращается в высокомерие. А высокомерные люди легче всего срубают оливковые деревья.

Я пишу это не для того, чтобы кого-то поучать. Я просто хочу сказать: в вопросах мысли нельзя торопиться. Нельзя надеяться, что за одну ночь все начнут думать одинаково. Нельзя также надеяться, что одной идеей можно решить все проблемы. Нужно дать разным мыслям расти вместе, позволить им спорить, ссориться, сталкиваться друг с другом. Только так может зародиться настоящая мысль.

Подобно тем оливковым деревьям: они растут уже более тысячи лет, пережили столько бурь и ветров, но всё ещё живы. Потому что они укоренились в земле, впитывают разные питательные вещества и пускают разные ветви. Они — не одно дерево, а целая роща. Именно вместе они составляют эту плодородную землю.

Поэтому не спешите срубать оливковые деревья. Пусть они растут, пусть они живут. Ведь плодородие важнее любого догмата.

Глава 9. Между добром и злом: от «просто хорошо» к истинной способности судить

В некоторых местах люди говорят, как поют, в других — как ссорятся, а в третьих — как заучивают текст. Но больше всего я боюсь такого стиля речи, когда люди высказываются категоричными утвердительными предложениями, не допускающими никаких возражений. Например: «Хорошо — значит хорошо, просто хорошо».

Впервые я услышал эту фразу, когда был ещё ребёнком. Тогда школа организовала для нас посещение лекции, и человек на сцене во весь голос выкрикивал эту фразу, а мы в зале повторяли за ним. После этого все были очень взволнованы, словно действительно поняли какую-то великую истину. Но если бы вы спросили: «А в чём же именно это хорошо?», Никто не смог бы ответить. Это все равно что спросить у человека, наевшегося до отвала, как ему понравилось только что съеденное блюдо — он сможет лишь громко отрыгнуть.

Позже я преподавал в университете. В один год на кафедре проходила аттестация на присвоение научных званий, и к нам пришел новый руководитель. Первым делом он созвал всех преподавателей кафедры и объявил, что будет проведена «масштабная проверка качества преподавания». Он держал в руках тетрадь, в которой были записаны имена всех преподавателей, и по очереди спрашивал: «Как вы оцениваете занятия такого-то преподавателя?» Когда дошла очередь до меня, я ответил: «Преподаватель такой-то ведет занятия неплохо, но в некоторых моментах можно было бы улучшить, например, приведенные им данные немного устарели». Руководитель сразу же нахмурился и сказал: «Вы же должны давать коллегам всестороннюю и положительную оценку». Я понял: ему нужна была не оценка, а заявление о позиции. Ему нужно было услышать: «Просто хорошо».

Такой подход — «просто хорошо» — на самом деле является проявлением умственной лени. Он позволяет обойти процесс анализа и сразу вынести заключение. Это как если бы вы зашли в ресторан, официант принес вам блюдо, и, не успев даже прикоснуться к нему палочками, сидящий рядом человек сказал бы вам: «Это блюдо просто великолепно». Поверите вы этому или нет? Если поверите, то вы дурак. Но если не поверите, вам придётся потратить время на проверку. Проверка требует усилий, а у большинства людей этих усилий нет.

У меня есть друг-архитектор, его зовут Старый Чжоу. Старый Чжоу проработал в архитектурно-проектном институте тридцать лет, и больше всего его раздражало слово «одобрено». Он говорил, что каждый раз, когда проектный вариант подавался на утверждение, сверху приходил ответ всего из двух слов: «одобрено». А почему одобрено, что в нём хорошего, а что плохого — об этом не говорилось ни слова. Старый Чжоу говорил, что такое «одобрено» страшнее, чем «не одобрено», потому что оно не даёт даже направления для улучшений.

Позже Старик Чжоу отправился в небольшой город на юге, где находилась старинная театральная сцена, которая, как говорят, сохранилась со времён династии Цин. Местные власти хотели её отреставрировать и попросили Старика Чжоу разработать проект. Старик Чжоу потратил целый месяц на изучение материалов, измерение размеров и поиск старых фотографий для справки. После того как проект был сдан, сверху пришло утверждение из четырёх иероглифов: «В принципе согласовано». Старик Чжоу остолбенел: что значит «в принципе согласовано»? Хорошо это или плохо? Менять или не менять? Он позвонил, чтобы уточнить, и ему ответили, что это просто согласие в принципе, а конкретные детали обсудят позже. Но совещания проходили одно за другим, и каждый раз звучало «в принципе согласовано», так что в конце концов Старик Чжоу так и не понял, что же это за «принцип» такой.

Это напомнило мне одно выражение — «потеря способности судить». Потеря способности судить — это не то, что ты не умеешь судить, а то, что ты отказался от права судить и передал его кому-то другому. Это как человек, идущий по дороге: у него изначально был свой курс, но, идя, он заметил впереди человека, указывающего путь, и пошёл за ним. Идти за кем-то — это экономия сил, но что, если тот, кто указывает путь, пойдёт не туда?

Когда я был молод, какое-то время было особенно популярно выражение «сохранять единство». На собраниях руководство говорило: «Мы должны сохранять единство». Все кивали

головами и говорили: «Да, нужно сохранять единство». Но что такое единство? Как его достичь? Никто не мог объяснить это ясно. Позже я понял, что так называемое «сохранение единства» на самом деле означает «не высказывать инакомыслия». Это как если бы группа людей стояла на одной лодке: если лодочник говорит «на восток», ты не можешь сказать «на запад». Но что, если лодочник окажется слепым?

У меня был один студент, который после окончания университета устроился в культурную организацию. Он написал мне письмо, в котором рассказал, что на собрании в организации обсуждали осуществимость одного проекта. Он высказал несколько замечаний, и все они были весьма уместными. Но руководитель, выслушав его, сказал: «Твои замечания хороши, но мы всё же должны исходить из общих интересов». Он спросил меня: «Что значит „исходить из общих интересов“?» Я ответил: «Это как если бы ты пошёл за овощами, а твоя мама сказала: „Купи свежие“. Но какие овощи свежие? Как определить свежесть? Никто тебе этого не объяснит. Тебе придётся полагаться только на себя. Но именно этой способности — «полагаться на себя» — многим и не хватает.

Есть ещё одна, ещё более страшная форма утраты способности к суждению — это «эмоциональные высказывания». Понаблюдайте: сейчас многие люди говорят не головой, а эмоциями. Например, кто-то публикует сообщение в интернете, и сразу же под ним появляются комментарии: «За!», «Против!», «Поддерживаю!», «Не согласен!». Эти слова — не суждения, а эмоции. Эмоции — это дешёво, они не требуют усилий, но эмоции также легче всего поддаются манипуляции.

Помню, как однажды я участвовал в научной конференции. На ней один молодой человек встал и заявил, что та или иная теория «абсолютно неверна». Я спросил его, как он пришёл к такому выводу. Он ответил, что эта теория «не соответствует здравому смыслу». Я спросил: «Что такое „здравый смысл“?» Он ответил: «То, во что верит большинство людей». Я спросил: «А если большинство людей верит, что Земля плоская, значит ли это, что она действительно плоская?» Он онемел.

В истории есть много примеров того, как эмоции заменяют здравый смысл. Например, в некоторые эпохи люди громко скандировали какие-то лозунги, кричали до хрипоты, словно чем громче кричат, тем ближе к истине. Но после того, как крики затихали, всё оставалось прежним. Это как если бы вы кричали перед зеркалом: «Я похудел», — а в зеркале вы по-прежнему весите столько же.

Как же восстановить способность к здравому суждению? Я считаю, что в первую очередь нужно научиться задавать вопросы. Спрашивать «почему», «как это доказать», «есть ли исключения». Эти вопросы кажутся глупыми, но они помогут вам выбраться из трясины «просто так и должно быть».

У меня есть старый друг, которого зовут учитель Лю. Он всю жизнь преподавал историю, а после выхода на пенсию продолжает писать книги. У него есть любимая фраза: «А где доказательства?» Каждый раз, когда кто-то спорит с ним по историческим вопросам, он спрашивает: «А где доказательства?» Если ты не можешь предъявить доказательства, он улыбается тебе и молчит. Его взгляд словно говорит: «Ты опять выдумываешь истории, да?» Учитель Лю сказал мне, что способность к критическому мышлению не даётся от природы, а развивается с помощью тренировок. Это как в боксе: нужно тренироваться каждый день, чтобы наносить точные удары.

Во-вторых, нужно научиться сравнивать. Без сравнения ты не поймешь, что лучше, а что хуже. Например, если перед тобой лежат две книги, ты должен открыть их и сравнить их структуру, точки зрения, стиль изложения. Недостаточно просто посмотреть на обложку. Точно так же, когда два человека высказывают свои мнения, ты должен сравнить их внутреннюю логику и источники доказательств. Без сравнения нет суждения.

Я написал статью о том, как определять правдивость информации. В ней я предложил следующий метод: когда вы слышите какое-то утверждение, не спешите верить, а задайте себе три вопроса. Во-первых, есть ли у этого утверждения источник? Во-вторых, заслуживает ли этот источник доверия? В-третьих, есть ли противоположные мнения? Если вы не можете ответить ни на один из этих вопросов, то сначала отнеситесь к этому с осторожностью. Осторожность — это не всеобщее недоверие, а предоставление себе пространства для размышлений.

Наконец, нужно смело говорить «нет». Чтобы сказать «нет», требуется мужество, особенно когда все вокруг говорят «да». Но именно такое мужество позволяет разорвать заклятие «это просто хорошо». Когда я был молодым, меня однажды пригласили на круглый стол, где ведущий предложил всем высказать своё мнение об определённой политической мере. Первые несколько человек сказали, что она хороша, а когда дошла очередь до меня, я ответил: «Идея этой политики хороша, но при реализации могут возникнуть некоторые проблемы». После моих слов в зале воцарилась тишина. Ведущий посмотрел на меня и сказал: «У вас довольно необычное мнение». Я знал, что он имел в виду, что я не вписываюсь в коллектив. Но мне было всё равно. Потому что я знал: если я не скажу этого, то никто не скажет.

Обсуждать эти вещи с молодыми людьми, наверное, ещё имеет смысл. Ведь молодость — это именно тот ключевой период, когда формируется способность к критическому мышлению. Если в это время приучиться к привычке говорить «это просто хорошо», то впоследствии изменить это будет очень сложно. Это как с деревом: как оно растёт в молодости, такой формы оно и приобретёт, когда вырастет. Поэтому я надеюсь, что молодые люди, услышав фразу «это просто хорошо», будут останавливаться и задумываться: в чём же заключается это «хорошо»? Почему это хорошо? А есть ли что-то лучше? Эти вопросы не сделают вас человеком, который во всём сомневается, но помогут вам стать человеком, который действительно умеет думать.

Глава 10. Фэнг Лун и Зальцбург: исчезновение красоты и фальсификация воспоминаний

Я видел немало пейзажей, но в моей душе всегда витает один вопрос: что такое истинная красота? Красота — это как воздух: все говорят, что она нужна, но как только ты пытаешься ухватить её, она ускользает. Эстетические стандарты, которые с детства вбивали в наше поколение, в большинстве своём представляют собой пустые догмы. Помню, как в детстве учитель показал нам картину и сказал, что это «самый красивый пейзаж», но как я ни смотрел, мне казалось, что это всего лишь набор чернильных пятен. Учитель сказал, что я не разбираюсь в искусстве, но я в душе понимал: в тех чернильных пятнах не было ни гор, ни воды, а было только то «красота», о которой говорил учитель.

Позже я прочитал книгу одного писателя, в которой он говорил, что самая красивая деревня в мире находится где-то там, где есть горы и вода, старинные дома и тихие улочки. В молодости я не понимал, почему он так говорил, но когда я состарился и побывал во многих местах, то понял, что он имел в виду не сами пейзажи, а время, отложившееся за ними. Настоящую красоту никогда нельзя уловить с первого взгляда — для этого нужно время, нужны воспоминания, нужно стоять там и чувствовать, что у каждого камня, каждого дерева, каждого дома есть своя история.

Но сможем ли мы сегодня найти такую красоту? У меня есть друг, архитектор, который прожил в Европе немало лет. Однажды, вернувшись, он рассказал мне об одном городке, который, как говорили, сохранил облик средневековья. Он сказал, что отправился туда с большими ожиданиями, но в итоге обнаружил, что весь городок был отреставрирован: каждый камень отполирован до блеска, каждое окно выкрашено в белоснежный цвет. Стоя на центральной площади, он почувствовал себя как на огромной кинодекорации: всё было фальшивым, даже воздух казался фальшивым. Он сказал, что тогда подумал: красота этого места похожа на лицо после пластической операции — гладкое, но без морщин, без историй, без печали.

Это напомнило мне ещё одну историю. Однажды я побывал в старинном городе на юге, где, как говорили, сохранились улицы, насчитывающие несколько сотен лет. Когда я туда приехал, то обнаружил, что эти старинные улицы действительно сохранились, но были преобразованы в торговые улицы, по обеим сторонам которых располагались лавки с сувенирами. Я зашел в один из переулков и увидел каменный памятник с надписью «Дом, где жил такой-то», но этот дом уже превратили в кафе: на стенах висели картины в старинном стиле, а на столах стояли чашки, имитирующие старинные. Я сидел там, пил кофе и чувствовал себя совершенно нелепо. О чём я тосковал? О тех, кто действительно жил здесь? Но тех людей уже не было. Я скучаю, наверное, по красоте, которую сам никогда не видел, по красоте, созданной книгами и легендами.

Это натолкнуло меня на мысль об одном термине: «подделка воспоминаний». Наше поколение живёт в эпоху массового производства воспоминаний. Хочешь увидеть красоту древности? Хорошо, я построю для тебя древний город: улицы в старинном стиле, дома в старинном стиле, фонари в старинном стиле — даже уличные торговцы, продающие шашлычки из ягод на палочке, будут одеты в старинные костюмы. Говоришь, тебе нужна история? Хорошо, я дам тебе историю — только отредактированную, отмытую, продезинфицированную. Ты стоишь в этом «старинном» городе, делаешь фото, выкладываешь его в интернет, подписываешь «путешествие во времени» и с чувством удовлетворения уходишь. Но разве ты действительно пере-
неся в прошлое? Ты просто побывал в парке развлечений, сложенном из подделок.

Настоящая красота — это не это. Настоящая красота — грубая, несовершенная, с шрамами. Я помню, как в детстве рядом с моим домом стоял старый дом, которому было уже более ста лет: кирпичи на стенах трескались, а дерево во дворе было покосившимся. Но каждый раз, проходя мимо, я чувствовал особую умиротворённость. Потому что в тех трещинах я видел время, а в покосившемся дереве — ветры и дожди. Позже этот дом снесли, а на его месте построили новое здание. Новое здание было красивым и аккуратным, но я больше не хотела ходить по той дороге.

У меня есть друг-художник, который однажды сказал мне слова, которые я запомнил навсегда. Он сказал, что настоящая красота похожа на лицо человека: в молодости оно гладкое, а в старости покрывается морщинами, и каждая морщина символизирует какой-то жизненный опыт. Но если все эти морщины сгладить, человек превратится в манекен. Он сказал, что когда рисует, больше всего боится сделать картину слишком идеальной, потому что идеальное часто бывает самым нереальным.

Эти слова напомнили мне о другом случае. Однажды я побывал в гостях у друга. У него дома висела картина с пейзажем — она была очень хорошо написана, но мне казалось, что в ней что-то не так. Я долго пристально смотрел на неё, прежде чем понял, в чём дело. Пейзаж на картине был слишком похож на настоящий — настолько, что в нём не было ни единого недостатка, ни единого неожиданного штриха. Мой друг сказал, что это работа какого-то мастера, купленная за большие деньги. Я ничего не ответил, но про себя подумал: красота этой картины тщательно спланирована, как те отреставрированные старинные городки — они, конечно, красивы, но в них нет души.

Как же тогда распознать подлинную красоту? Я сам долго размышлял над этим вопросом. Позже я постепенно понял, что у подлинной красоты есть несколько отличительных черт. Во-первых, она несовершенна. В том, что по-настоящему прекрасно, всегда есть что-то, что вызывает у вас легкое беспокойство: трещина в старом доме, наклонное дерево, морщины на лице. Именно эти несовершенства являются доказательством красоты, ведь они запечатлевают время и жизнь.

Во-вторых, подлинная красота свободна. Она не пытается нарочито угодить тебе и не стремится соответствовать твоим ожиданиям. Посмотрите на настоящие старинные здания: они не говорят вам «я прекрасен», а просто тихо стоят на своём месте, подвергаясь воздей-

ствию ветра и дождя. А вот здания, стилизованные под старину, с самого начала заявляют: «Я прекрасен», — они всеми силами пытаются убедить вас, что вам должны они понравиться. Такая натужность сама по себе является осквернением красоты.

В-третьих, подлинная красота требует времени. Её красоту невозможно увидеть с первого взгляда; нужно потратить время, чтобы прочувствовать её, понять и пообщаться с ней. Это как знакомство с человеком: нельзя смотреть только на его внешность, нужно поговорить с ним, посмотреть, как он относится к другим, как справляется с трудностями. То же самое и с красотой: её нужно прочувствовать сердцем, а не судить глазами.

Но сегодня у нас ещё осталось время, чтобы прочувствовать красоту? В нашу эпоху всё происходит быстро. Путешествия превратились в «чекинирование»: бросаешь взгляд, делаешь снимок и уходишь; чтение — в скорочтение: перелистываешь несколько страниц и уже считаешь, что всё понял; даже отношения стали «фаст-фудом»: сегодня познакомились, завтра расстались. Сможем ли мы в такую эпоху ощутить истинную красоту? Я в этом сомневаюсь.

У меня есть молодой друг, фотограф. Он рассказал мне, что когда снимает, больше всего любит запечатлеть то, что забыто. Например, заброшенный старый дом, усохшее дерево, камень, покрытый мхом. Он говорит, что считает эти вещи особенно красивыми, потому что на них видны следы времени. Но когда он выкладывает эти фотографии в интернет, многие не понимают и спрашивают: «Что в этом такого интересного? Все это старое и обветшалое, совсем некрасиво». Мой друг с беспомощностью сказал мне, что эти люди стали заложниками понятия «красиво»: они признают только то, что блестит и сияет, не подозревая, что настоящая красота зачастую скрывается в старом и обветшалом.

Это напомнило мне одну историю. В одном месте когда-то была очень красивая долина с древними деревнями, чистыми ручьями и густыми лесами. Позже кто-то обнаружил это место, посчитал его прекрасным и превратил в туристическую достопримечательность. Они проложили дороги, построили гостиницы и развлекательные парки. Приехало много туристов, но красота долины исчезла. Ведь старинные деревни были отреставрированы, ручьи — переделаны, а леса — вырублены. Туристы видели лишь искусственную, «упакованную» долину.

Эта история звучит как избитая фраза. Но она происходит каждый день — вокруг нас, там, где мы этого не видим. Мы думаем, что защищаем красоту, а на самом деле уничтожаем её. Мы думаем, что создаём красоту, а на самом деле подделываем её.

Что же нам делать перед лицом такой поддельной красоты? У меня нет какого-то гениального ответа. Я знаю только одно: чтобы различить подлинную красоту, человек должен сначала научиться сомневаться. Сомневаться в том, что слишком идеально, в том, что слишком аккуратно, в том, что слишком блестяще. Ведь настоящая красота никогда не бывает идеальной, аккуратной или блестящей. Настоящая красота — это грязь, шрамы и слёзы.

Я также знаю, что для того, чтобы почувствовать подлинную красоту, нужно замедлиться. Замедлиться настолько, чтобы остановиться и посмотреть на дерево, настолько, чтобы сесть на землю и понаблюдать за облаком, настолько, чтобы услышать, как ветер шелестит в листьях. В эту эпоху, когда всё происходит быстро, само замедление уже является формой сопротивления. Сопротивления тому, что лишает нас способности судить, сопротивления тому, что превращает нас в муравьёв.

Помню, как однажды я побывал в маленьком городке, где стоял старый мост, камни которого были отшлифованы до гладкости. Я стоял на мосту, смотрел на воду внизу и думал: сколько людей прошло по этому мосту? Куда ушли все те, кто по нему проходил? Где хранятся их истории? Я стоял там очень долго, до самого заката. В тот момент мне показалось, что я понял, что такое красота. Не та красота, которую придумали дизайнеры, не та, которую рекламируют, а та, что пришла сама собой, с отпечатками времени.

Позже я уехал из того городка и больше туда не возвращался. Но тот мост, те камни, та вода навсегда остались в моём сердце. Я знаю, что, возможно, больше никогда не найду такой

красоты. Ведь тот мост, возможно, уже отреставрировали, возможно, уже снесли, а может, он превратился в туристическую достопримечательность. Но я не жалею, потому что когда-то я испытал эту красоту.

Обсуждать всё это с молодыми людьми, наверное, всё-таки имеет смысл. Ведь ваше поколение живёт в эпоху, окружённую фальшивой красотой. Многое из того, что вы видите, слышите и ощущаете, — ложь. Но у вас ещё есть шанс открыть для себя настоящие ценности, если только вы захотите замедлить темп, научитесь сомневаться и будете воспринимать мир сердцем. Помните: настоящая красота — это не то, что красиво упаковано, а то, на чём остались следы времени. Возможно, это неидеально, неаккуратно, неброско, но это настоящее.

Как те старые дома, те старые улицы, те забытые уголки. Возможно, они уже пришли в упадок, возможно, уже исчезли, но когда-то они действительно существовали. И всё, что мы можем сделать, — это запомнить их облик и те чувства, которые они в нас пробуждали, пока они не исчезли. Ведь память — это иногда единственное оружие против забвения.

Глава 11. Выбор Гамлета: размышления между жизнью и смертью

Я побывал во многих городах Европы и Америки. Но самым удивительным для меня оказался небольшой городок, название которого я не помню, на севере Италии, недалеко от границы со Швейцарией. В том месте не было никаких достопримечательностей, только одна узкая старинная улочка, по обеим сторонам которой стояли кривые дома, словно пьяные, но на каждом висели яркие корзины с цветами. Я сел в кафе на углу, заказал чашку кофе, настолько крепкого, что он казался горьким, и задумчиво смотрел на колокольню церкви напротив. Колокол на колокольне сломался, стрелки навсегда остановились на 3:17. Я спросил хозяина, почему бы его не починить? Хозяин — полный мужчина средних лет — вытер барную стойку и ответил: «Зачем его чинить? Он остановился, чтобы напоминать нам, что время тоже умирает».

Эти слова заставили меня долго размышлять. Время тоже умирает. Так что же: жить или умереть? Вот в чём вопрос.

В молодости, когда мне было около двадцати пяти-шести лет, я преподавал в одном университете на юге. Это был небольшой городок, со всех сторон окруженный горами, с влажным воздухом и летом, от жары которого кружилась голова. Я жил на верхнем этаже старого дома, из окна которого открывался вид на реку с мутной водой, по которой плыл всевозможный мусор. Каждый вечер я сидел у окна, смотрел на эту реку и думал не об академических проблемах, а о весьма прозаическом вопросе: стоит ли мне оставаться здесь?

В то время у меня был коллега по фамилии Чжан, он был старше меня на десять лет и преподавал древнюю литературу. Он был очень эрудирован, мог наизусть цитировать целые тома «Выбора литературных произведений» и никогда не пользовался конспектами на лекциях. Но у него был один недостаток: он любил выпивать, причем пил много, а когда выпивал много, начинал плакать. Однажды, напившись, он взял меня за руку и спросил: «Знаешь, почему я остаюсь здесь?» Я ответил, что не знаю. Он сказал: «Потому что я боюсь». «Чего боишься?» «Боюсь, что, уехав отсюда, я обнаружу, что и в другом месте мне не удастся жить полноценно». Сказав это, он снова разрыдался.

Тогда мне было его очень жаль. Сейчас, когда я об этом думаю, понимаю, что на самом деле я был точно таким же. Мы все колеблемся между жизнью и смертью — не физической, а духовной. Выбрать ли стабильную, но скучную работу, или рискнуть и пойти за своей мечтой? Принять реальность или держаться за иллюзии? Эти вопросы кажутся простыми, но на самом деле от них зависит жизнь и смерть.

Позже я наконец уехал из того университета. Это было в 1986 году, мне было двадцать пять лет, я только что закончил учебу и сразу же принял это решение. Я уехал в Пекин, снял подвал без окон, где даже днём приходилось включать свет. Я работал редактором в одном журнале, зарплата была очень низкой, но зато я мог общаться с самыми разными людьми и сталкиваться с самыми разными событиями. В то время культурная среда Пекина была очень

активной: люди собирались вместе, обсуждали литературу, философию, политику — говорили обо всём и могли подвергать сомнению всё что угодно. Мне казалось, будто я выпрыгнул из колодца и увидел небо. Но вскоре я обнаружил, что и над этим небом висят чёрные тучи.

Однажды я пошла на вечеринку в дом одного пожилого господина. Он занимался исследованием западной философии, и его дом был завален книгами — они лежали даже на диване. Он заварил нам чай из очень дешёвого чая, который давал чёрный настой и имел горьковатый привкус. Он спросил нас: «Как вы думаете, чего больше всего боятся интеллектуалы?» Все заговорили в один голос: кто-то сказал, что бедности, кто-то — одиночества, а кто-то — того, что о них забудут. Пожилой господин покачал головой и сказал: «Ничего из этого. Больше всего интеллектуалы боятся жить в эпоху, когда не нужно думать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.